

Николай Горнов

**Общество
мертвых
пилотов**

Николай Горнов

Общество мертвых пилотов

«Автор»

2009

Горнов Н. В.

Общество мертвых пилотов / Н. В. Горнов — «Автор», 2009

ISBN 5-900179-67-2

В романе омского писателя и журналиста Н. Горнова рассматривается аксиологическая сфера реальности, выраженная в форме переживания и обретения смысла. Переживание трактуется автором как бытийная форма жизненного и культурного освоения и присвоения реальности, как процесс перехода в субъективный внутренний мир человека объективированных форм проявления сущности в процессе функционирования систем «человек – человек» и «человек-социум».

ISBN 5-900179-67-2

© Горнов Н. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Траектория взлета. Зима. 1982	5
Мой папа – летчик. Весна. 2016	20
Условный горизонт. Лето. 1982	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Николай Горнов

Общество мертвых пилотов

Траектория взлета. Зима. 1982

Из лифта пилоты-высотники попадали сначала в бронированный стакан, где их ждал первый пост внутренней охраны. В конце приемной галереи был второй пост. А ближе к ангарам – еще один, третий. И на каждом суровый взгляд прапорщиков и старшин, сдвинутые на брови пилотки, и на каждом нужно продемонстрировать пропуск, допуск, подтвердить идентичность отпечатка своего большого пальца отпечатку на матрице...

Беляков нервно одернул китель и подмигнул Кашину – командиру своей «двойки». Издержки секретности его все еще раздражали. Хотя за три года службы Беляков притерпелся ко многому. Хорошо хоть за секретность пилотам-высотникам надбавка полагалась, вместе с которой денежное довольствие, если считать со «звездочками», «пайковыми» и «полярными», выливалось в очень даже приемлемую сумму. Белякову, во всяком случае, хватало. Нет, если бы он женат был, как Кашин, тогда бы тоже постоянно нудил: денег нет, денег нет, а в конце каждого месяца планировал над родной частью в поисках десятки. А так ему удавалось изредка даже откладывать рублей по пятьдесят на сберкнижку. ...

– Григорий, сбрось обороты, – проворчал Кашин. – У нас еще десять минут в запасе...

– Извини. – Беляков и сам не заметил, когда прибавил шаг. Видимо, в продуваемой сквозняками Центральной галерее, где по стенам ленивыми змеями висели толстые пучки силовых кабелей, а от каждого шороха поднимались волосы на загривке. Этот отрезок пути ему всегда хотелось проскочить как можно быстрее. Но и длинная галерея, и кривые внутренние переходы с их мертвым белым светом матовых плафонов остались, к счастью, позади. Уже слышны были успокаивающие звуки Стартовой зоны. Беляков приободрился. Оставалось свернуть налево, миновать короткий переход, а там и до первой линии ангаров недалеко, где будет многолюдно, как всегда, и в нос ударит острый запах канифоли...

– Здравия и благополучия, товарищ самый большой майор! – Беляков вытянулся и с показной гусарской лихостью прищелкнул стоптанными каблуками. Главному механику второй эскадрильи он всегда был искренне рад. Если на боевом посту смена майора Ковалева, никаких проблем точно не предвидится.

Седой майор, до этого увлеченно дирижировавший работой техников-сверхсрочников, неспешно развернулся к пилотам всем корпусом.

– Гриша, сокол ясный, ты сегодня не опоздал. Я потрясен. Не случилось ли чего?

– Еще как случилось, – вклинился в разговор Кашин, отразив на лице глубокую скорбь. – Не далее как позавчера попал наш Гриша под горячую руку комполка. И Железный Феликс ему такого пистона вставил, что лейтенант Беляков теперь по всей части летает на реактивной тяге. Еще ни разу никуда не опоздал. Не поверишь, Андреич, он даже на политинформацию вчера вовремя пришел.

– Попал под лошадь, товарищ майор. – Гриша улыбнулся, разводя руками. – Супротив стихии...

– Так вот, значит, как, – покачал головой Ковалев и с демонстративной суровостью сдвинул брови. – Ладненько, голуби мои, не задерживайте мне тут очередность. И не прохлаждайтесь долго в медблоке. Мне сразу за вами еще три «двойки» запускать. Нынче не понедельник, случаем?

– Понедельник! – хором подтвердили пилоты.

– Так и знал... Чую, веселье только начинается...

Медицинский допуск непосредственно перед взлетом – явная глупость. Никакой надобности в этой процедуре Беляков не видел. Если пилот здоров и уже прошел через длинную шеренгу белых халатов, то вряд ли с ним что-то может произойти за предполетные полчаса. Подписали бы допуск один раз, да и расслабились. Так нет. Ни собственного времени им не жаль, ни чужого. Впрочем, такие мысли Беляков вслух не высказывал. Даже когда бывал не в духе. С военврачами вообще шутить было опасно. Чувство юмора у них атрофировалось за первые полгода службы...

Давление у Белякова осталось в норме – сто двадцать на восемьдесят один. И пульс тоже не подкачал, так что фельдшер на него вообще не отреагировал. И даже взгляд не оторвал взгляд от журнала допусков. Отчего Гриша неожиданно огорчился. Казалось бы, совершенный пустяк. Подумаешь, не захотел с ним фельдшер поговорить. Но скрученные предполетным ожиданием нервы натянулись уже до предела. А тут еще подоспел новый повод для огорчений – лопнула боковая шнуровка высотного костюма...

– Вот же... – Гриша опустил на скамью и с раздражением грохнул кулаком по стальной дверце персонального шкафчика. От нее сразу отлетел кусок вздувшейся краски. – Как чувствовал, зараза! С самого утра день не по резьбе пошел!

– Не бери в голову, – посоветовал привычный к перепадам Гришиного настроения Кашин.

– Хорошо тебе, а у меня третий раз шнуровка лопнула в этом месяце. Да еще об ступеньку с утра споткнулся, когда из общаги выходил. Чуть нос не расквасил... Ты, кстати, особиста нашего давно видел?

– Давно, – насторожился Кашин. – А что?

– Ну, так... Из любопытства поинтересовался, – хмыкнул Беляков.

– Гриня, ты заканчивай эти свои фильдеперсы. По два круга сделаем – и на базу. Плохие приметы сегодня не принимаются... А со шнуровкой, если хочешь, могу помочь.

– Сам справлюсь...

Когда пилоты вернулись к ангарам, техники уже отбуксировали две угловатые высотные машины в Стартовую зону. Беляков огляделся, украдкой трижды сплюнул через левое плечо, автоматически пересчитал ступеньки трапа – их было десять, как всегда – и покосился на Кашина. Тот придерживался своего ритуала. Сначала подныривал под тяжелое брюхо высотной машины, стучал три раза по стальному фюзеляжу и только после этого возвращался к трапу, оглядываясь на техников, смотревших на привычные манипуляции пилотов равнодушно – и смачно сплевывал через плечо. Трижды.

А на трап Кашин всегда запрыгивал трижды. Первый раз двумя ногами...

Откинув фонарь кокпита, Беляков втиснулся в кресло. Поворочался. Отрегулировал, не спеша, высоту подголовника, потом плотно нахлобучил шлем и пристроил датчики во все гнезда разъемов – два штыря в шлем, четыре в костюм. Провести восемь часов в неподвижности, да еще в узкой металлической норе – это не просто. Очень важно, чтобы ничего при этом не мешало. И чтобы все рычаги управления удобно лежали под руками. И мочеприемник высотного костюма не давил. И не соскочил при этом. Если наденешь патрубков слишком плотно, несколько дней будет болеть промежность, а если слабо – конфуза потом не оберешься. Оба варианта Гриша уже испытал на себе во время первых полетов. Его успокаивало лишь то, что через подобный конфуз прошли практически все пилоты из самого засекреченного полка советской стратегической авиации. Это как прописка. Оконфузился пару раз – и служи себе дальше спокойно...

Техники трудились сосредоточенно. Слышно было лишь легкое бряцанье магнитных ключей. Беляков закрыл глаза, потянулся, вытянув ноги по максимуму – насколько позволяла кабина. Бывало Грише даже нравилось это почти неуловимое ощущение предполетной подготовки. Вроде еще не на Высоте, но уже и не на земле. И окружающие это тоже понимают,

оттого относятся к тебе совершенно иначе. Но сейчас каждое мгновение до взлета растягивалось какой-то бескрайней грязно-зеленой лентой. И еще раздражал острый запах жженой резины...

Старший механик смены распрямился и продемонстрировал Грише сцепленные кисти рук: «папа-мама». Значит, соединение силового кабеля с боевой машиной уже проверено. В ответ Гриша два раза медленно качнул головой и потянул на себя рукоять блока питания. Кабина ожила. Осветилась разноцветными шкалами. По бокам зелеными, а впереди и сверху – ярко-лимонными. Руки привычно забегали по всей ширине консоли. Первым делом проверили подачу энергии на все бортовые цепи. Если напряжение поступает как от главного, так и от дублирующего генератора, то все основные узлы и агрегаты к работе готовы. Замкнув оба контура электромагнитной изоляции и проверив все цепи еще дважды, Гриша по-пижонски выбросил вверх правый кулак с оттопыренным большим пальцем. И только после этого подключился к линии внутренней связи.

– «Башня», я – «Семнадцатый», вышел на стартовую готовность.

– «Башня» – «Семнадцатому», даю пятиминутный отсчет, – мгновенно откликнулся диспетчер из динамика шлемофона.

Вот и все.

Сердце замерло на долю секунды и рванулось вперед с удвоенной скоростью.

Беляков ухватился за рифленую рукоять и резко дернул ее на себя. Когда с громким щелчком зафиксировались боковые замки фонаря, почти все звуки остались снаружи. Еле слышно закрутились приводы транспортера, и тяжелая боевая машина плавно двинулась по короткой рулежной дорожке. Проплыла мимо желтых проблесковых маячков, нырнула под арку и с легким рывком затормозила в красном квадрате. За спиной упал трехслойный электромагнитный экран, и Беляков невольно поднял голову, оглядев сферический свод. Там, сверху, без малого тридцать метров земли и бетона. Вокруг трехметровые бетонные стены, выкрашенные в унылый серый цвет. Кричи, не кричи – абсолютно бесполезно. Все, что было до этой секунды, осталось в другой жизни. И в такие мгновения Грише с особенной ясностью представлялись средневековые склепы, где покойников находили совсем не в тех позах, в которых хоронили...

– «Башня» – «Семнадцатому», подтвердите готовность к взлету.

– «Башня», я – «Семнадцатый». Готовность к взлету подтверждаю, – бодро отрапортовал Беляков.

Сердце понеслось в галоп. Ладони в перчатках мгновенно вспотели...

– «Башня» – «Семнадцатому». Взлет разрешаю.

– «Семнадцатый» – «Башне». Вас понял. Взлетаю!

Штурвал на себя. Легкий гул генератора переходит в вой. Еще секунда. И еще... Что же так тянется время?

Щелчок автопилота. По телу прокатывается первая взлетная волна. Пальцы ног начинают сводить судорогой. Беляков быстро зажмуривается и начинает проваливаться в пугающее Ничто.

* * *

Тела как будто нет...

Вообще ничего нет...

Даже времени...

Объяснить, как это, когда ничего нет – практически невозможно. Беляков много раз пытался записать свои ощущения словами. Из любопытства, конечно. Но ничего у него не получилось. Две тетради исписал, измучился, но так и не нашел подходящих слов. Первое, что

приходило в голову, – смерть. Но Грише, по трезвому размышлению, подобная аналогия пришлась не по душе. Во-первых, он еще ни разу не умирал, поэтому не мог точно знать, как приходит смерть. Во-вторых, мысли о смерти пилоту-высотнику были совсем некстати. И Гриша старался гнать их подальше...

Когда появляется время, то начинаешь осознавать тело. Оно пока еще невесомо. Его еще не ощущаешь, но уже понимаешь, что оно есть. А потом приходят темнота и тошнота. Уже чувствуются руки и ноги. Ими уже можно двигать. Правда, медленно и с трудом, словно плаваешь в парафине. И так продолжается неизвестно сколько. Множество долгих секунд. Или минут. Или часов. Точно определить невозможно.

А потом приходит паника...

Впрочем, опытный пилот с паникой справляется довольно быстро. Еще до того, как на горизонте разгорается светлая точка. Потом, свет становится все ярче. И вот он уже такой яркий, что глаза начинают слезиться, ты почти слепнешь, но ослепнуть на самом деле не успеваешь. Буквально в тот же миг весь мир словно выворачивается наизнанку, и ревущим водопадом обрушиваются на тебя и цвета, и звуки, и запахи. Значит, взлетный коридор остался позади. Пилот поднялся на свою Высоту...

На Высоте Белякова было лето и раннее утро. Зимой он всегда тосковал по пыльной жаре, а как только скромное северное лето набирало силу, его сразу начинало тянуть к снежной прохладе сугробов. Но сейчас над расположением части все проявления разумной жизни подавлял сорокаградусный мороз, и Гриша с удовольствием вдохнул остатки душной ночи пополам с терпким запахом выгоревшей на солнце травы. В узком проходе между старыми корпусами университета новое здание аспирантского общежития. Он тихо проскочил мимо заснувшего на вахте студента и поднялся к себе на второй этаж. Привычно поддал коленом по хлипкой двери, с хрустом провернул ключ и по хозяйски оглядел двенадцать квадратных метров казенной жилплощади.

Не разбежишься, конечно, но самые необходимые вещи поместились. Имелись в наличии и скрипучая кровать, и тумбочка без дверцы, и кургузый письменный стол, и самодельная вешалка из деревянного бруска, и чемодан под кроватью, заменявший книжный шкаф. А главное, что всему этому великолепию Беляков был единоличным хозяином. Студентом ему приходилось жить и в худших условиях, где почти в такой же маленькой комнатке четверо ютились официально, а еще один – нелегально, скрываясь от коменданта в шкафу.

Один такой после отчисления из института ухитрился прожить в Гришиной комнате почти год. Был он, правда, тих и беззлобен, совершенно не приспособлен к реальной жизни, и у сердобольных сокурсников просто рука не поднималась его прогнать. Да и куда? В родные Апатиты? Отец, по его словам, не перенес бы такого позора. Звали нелегала, кажется, Вовой, и найти другой угол он тоже не мог. По определению. Его даже в дворники не брали. Так и дрожал Вова целыми днями в шкафу, в ожидании регулярных комендантских налетов, а выполнял из убежища исключительно по ночам. Обитатели общаги знали, что ночью Вова выходит на поиски пищи, поэтому открывать ему двери не спешили. Бывало, что часов до пяти утра бродил Вова по коридорам, пока очередная добрая душа, измученная вздохами и стонами, ни выставляла под дверь кастрюлю с остатками картошки. Вова в рекордный срок уничтожал пищу и сразу отправлялся назад – в шкаф, где затихал до следующей ночи...

Отогнать неуставные воспоминания помогала обычно рутинная работа, и Гриша заставил себя расправить покрывало на кровати, потом тщательно отмыл в ржавом умывальнике чашки, которые он с прошлого вылета так и оставил в тумбочке грязными, подмел пол в комнате худым веником, а грязь с коврика по старой привычке стряхнул в общий коридор. Время между пятью и шестью часами утра в любом общежитии – самое спокойное. Отчаянные любители ночной жизни уже разбредались по койкам, а рано встающие еще не успевали поднять свои спортивные тела. Гриша всегда любил это время. Можно было в относительной тишине набрать

в чайник воды, дожидаться, поклевывая носом, пока она закипит на старой электроплитке, а потом насладиться крепким ароматом чая...

Ближе к половине седьмого общежитие наполнилось звуками, которым не мешали тонкие перекрытия и перегородки. В Гришину комнату с бульканьем, ворчаньем, шорохом и скрипами стала пробиваться повседневная жизнь. Но Гриша был ей рад. На своей Высоте ему нравилось все. И плевать, что на Высоте на самом деле не было ни этого общежития, ни этой комнаты, ни мебели в ней. Не было и пыли, которую Гриша полчаса назад с таким усердием сметал веником. Все это появлялось только в тот момент, когда на Высоту поднимался именно он, Григорий Беляков, гвардии лейтенант двести двадцать седьмого отдельного полка группы стратегической авиации «Север» Военно-воздушных сил Советского Союза.

Высота Кашина, например, выглядит иначе. Эту тему они между собой никогда не обсуждали, но Беляков и так знал, что первый номер их «двойки» сейчас полулежит, втиснутый двукратной перегрузкой в кресло своей любимой многоцелевой «Сушки». Судя по международной обстановке, его боевая машина, обвешанная ракетами типа «воздух-земля» и «воздух-воздух», барражирует сегодня где-то в полутора десятках километров над границей между дружественным Афганистаном и враждебным Пакистаном. Кашин крепко сжимает штурвал и очень этим доволен. Он тоже может сейчас все. Вернее, почти все. У пилотов-высотников есть и ограничение. Оно единственное, но существенное. Сам пилот подняться на Высоту не может. Физически он остается на земле – в кокпите сложнейшего летательного аппарата, созданного руками талантливых советских инженеров из НПО «Энергия».

Впрочем, над этими странностями Беляков задумывался редко. После традиционной уборки в комнатке он придвигал свою скрипучую кровать поближе к подоконнику и, прихлебывая чай, следил одним глазом за тем, что происходило снаружи. Можно, конечно, вести наблюдение и лежа, глядя на потолок, но Грише привычнее было смотреть в окно. В отличие от большинства пилотов-высотников, Беляков пришел в полк с «гражданки», и все еще оставался для них чужим. И поэтому, видимо, получал от отцов-командиров самые простые полетные задания – наблюдение за объектами. Хорошо это было или плохо – Беляков тоже не задумывался. Ему просто нравилось непередаваемое и необыкновенное ощущение полной свободы, которое могла дать только Высота. А все остальное уже не имело значения...

Дробный стук в дверь застал Белякова врасплох.

– Гриша, немедленно откройте. Я вас прошу. Не прячьтесь, я так знаю, что вы там!

Беляков скривился. Ему сейчас только господина Гольдберга не хватало...

Этот лысоватый, пижонского вида моложавый мужчина объявился в общежитии месяц назад.

– Хай, зовите меня Боб, – представлялся он всем и каждому, протягивая далеко вперед круглую розовую ладошку. – Я из Чикаго, Иллинойс. По обмену студент-с.

На взгляд Гриши, Гольдбергу было никак не меньше сорока, и был он похож не на студента, а на сотрудника Центрального разведывательного управления. Впрочем, свое основное место работы Гольдберг и не скрывал. Наоборот, делал всем весьма прозрачные намеки, постоянно что-то вынюхивая и выспрашивая. И как только американец поселился в соседней комнате, Гриша потерял всякий покой. Его тихий персональный мирок стал сразу трещать по швам. Конечно, Гриша пытался избавиться от назойливого соседа, но все эти попытки оказались безуспешными. Отселить Гольдберга даже на другой этаж Грише так и не удалось. Комендант над ним только посмеялся...

После очередной серии глухих ударов в косяк Беляков сдался.

– Вам кого? – с демонстративной вежливостью поинтересовался он, приоткрыв дверь. Всего на пару сантиметров. Но этого хватило, чтобы американец смог воткнуть в образовавшуюся щель носок крепкого ботинка.

– Здравствуйте, Гриша. Не вы ли мне рассказывали, что все русские очень гостеприимны? – Гольдберг продемонстрировал свою зубастую улыбку.

– На свою беду... – Беляков вздохнул. – Знал бы, не рассказывал...

– Ой, Гриша, не преувеличивайте. Усталый еврей из Чикаго всего лишь хочет выпить стакан воды. Неужели мне и в такой невинной просьбе будет отказано? Пригласите меня, а я вам нашепчу что-то по большому секрету...

Воспользовавшись паузой, Гольдберг протиснулся в комнату, плотно прикрыл за собой дверь и развалился на кровати. Гриша поморщился, но нацедил ему воды из-под крана.

– Что это? – подозрительно поинтересовался Гольдберг.

– Вода, – с сарказмом пояснил Беляков. – Вы же пить хотели?

– А почему она такая... э-э-э... белая?

– Потому что лето. В это время года в водопроводную воду усиленно добавляют хлор, который убивает все вредные микроорганизмы.

– Если бы я был менее доверчивым, Гриша, то мог бы подумать, что под вредными микроорганизмами вы имеете в виду меня... – Гольдберг брезгливо отставил стакан в сторону. – И все же вы, советские – удивительный народ. Никто не смог бы выжить в таких условиях.

– Свои провокационные выводы, господин Гольдберг, оставьте при себе. Идите, идите, у меня и без вас много работы!

– Вы еще молоды, Гриша, поэтому прислушайтесь к совету того, кто прожил больше. Сейчас ваша работа – это я.

– С какой, интересно, стати?

– Да с такой! – передразнил Гришу Гольдберг. – Надеюсь, вас учили в вашем КГБ, что задачей первостепенной важности для любого разведчика является вербовка агентов вероятного противника. И вот он я, здесь, перед вами. Сам пришел, заметьте. На меня никто веревку не набрасывал. Почему же вам, Гриша, не сделать хотя бы попытку?

– Я не из КГБ. Я – аспирант кафедры сопротивления материалов. Сколько раз вам это нужно повторить, чтобы вы запомнили?

Гольдберг расхохотался.

– Все советские работают на КГБ, Гриша. Даже аспиранты. И даже те, кто никогда не выезжал дальше своего Сарапула. Только, увы, не многие об этом догадываются. Вот скажите мне: как отреагировал ваш босс, когда вы написали в отчете о нашей первой встрече?

Беляков отвернулся к окну и почувствовал, что краснеет.

Гольдберг завокнулся.

– Что такое, Гриша? Вы скрыли наши встречи от КГБ?

– Ну, не совсем...

– Ой, я не могу, мне плохо! – запричитал Гольдберг, схватившись за голову. – Вы же закапываете себе могилу, Гриша! Или откапываете? Впрочем, какая теперь разница. Нет, я категорически отказываюсь вас понимать!

Еще несколько минут Гольдберг пребывал в несвойственной для него задумчивости, потом со вздохом встал, пнул ногой ни в чем не повинный табурет, и молча покинул комнату. Судя по выражению его лица, впереди Гришу ожидали лишь неприятности. И в это почему-то верилось...

* * *

– «Семнадцатый» вызывает «Башню». Посадку завершил... – Распухший от жажды язык слушался Белякова с большим трудом...

– «Башня» – «Семнадцатому». Вас понял. Посадку подтверждаю. Готовьтесь к транспортировке.

Под боевую машину завели крюк транспортера и по рулежной дорожке вытащили из Пилотажной зоны. У ангара ждали два техника. После восьмичасовой неподвижности все конечности пилота сильно затекли, и редко кому удавалось покинуть кокпит самостоятельно.

– Дальше я сам, – попросил Гриша, рывком стащил с головы шлем и на негнущихся ногах поковылял в медблок. Боль была везде. Но сильнее всего страдали ноги. В ступни будто кто-то заколачивал гвозди. И эти последние три сотни метров дались Белякову не просто...

– Как самочувствие? – вяло поинтересовался фельдшер. – Помощь требуется?

– Обойдусь, – буркнул себе под нос Гриша и первым делом опустошил три стакана с теплой водой из графина.

Вскоре показался и Кашин. Был он бледен сильнее обычного, но глаза горели, как два прожектора. Беляков с намеком прищурился. Кашин хмыкнул, жадно наполнил стакан водой, лихо опрокинул его в себя и украдкой оттопырил большой палец. Большого он сообщить и не мог. Все сведения о Высоте были строго секретны. Под грифом хранились и личные отчеты о боевом патрулировании, которые каждый пилот составлял собственноручно и тут же сдавал в секретную часть. Кто потом их читал – тоже секрет...

В этот раз Беляков закончил отчет всего за полчаса. Даже переписывать ничего не пришлось, как это бывало с ним неоднократно. Разгоряченный успехами, он решительно растолкал задремавшего секретчика – старшего прапорщика Куклю.

– Что, уже? – удивился тот и протяжно зевнул. – Чё так быстро?

Беляков пожал плечами и молча бросил на стол два листочка, густо исписанных аккуратным, но очень мелким почерком. Кукля суетливо подколот их в папку, прошил, расписался, подышал на печать и поставил синий оттиск. Папку сразу спрятал в сейф и закрыл дверцу на два замка. Гриша невольно проследил за всеми его манипуляциями, потом обернулся и вопросительно посмотрел на Кашина. Тот в ответ наморщил лоб и прикусил кончик шариковой ручки. Значит, дожидаться не имеет смысла. Дальше им не по пути. Кашина ждут дома, а Гришу ждет только темное офицерское общежитие, где даже лампочка перед входом позавчера перегорела...

Старшина-дневальный даже не попытался встать на тумбочку. Только покосился на товарища лейтенанта и молча приложил палец к носу. Беляков чертыхнулся. И когда только успел отморозить? И мороз-то плевым, не ниже тридцати пяти. Впрочем, это не важно. Поболит – и перестанет. Разве что кожа сойдет, но это невеликая потеря. Хуже, что опять вернулась жажда. Так бывает. Иногда Белякову еще почти сутки после приземления с Высоты неудержимо хотелось пить...

Свет в своей комнате он зажигать не стал, чтобы не разбудить соседа – лейтенанта Путинцева. Стакан и графин можно и в темноте найти. Трудно промахнуться и мимо кровати. Вся комната – двенадцать квадратов на двоих. Впрочем, соседство с Путинцевым Гришу устраивало. Витя – парень уравновешенный и неболтливый. Потомственный военный. Отец вышел в отставку из морской авиации. В транспортной авиации служит до сих пор его дядя. Да и старший брат, окончив в свое время то же Качинское летное училище, взлетает и садится сейчас на мысе Шмидта. В общем, лейтенант Путинцев родился за штурвалом самолета. Оттого, наверное, Высота не вызывала в нем никаких неуставных эмоций...

Гриша растянулся на своей койке и прикрыл глаза. Из головы никак не шел Гольдберг. Отсутствовал тот не долго. Не больше часа. А потом опять стал барабанить в дверь. Пришлось снова впустить.

– Гриша, я знаю, как нам все устроить, – заявил Гольдберг с порога.

– Кому – нам? – равнодушно уточнил Беляков. – Лично меня с вами ничего не связывает.

– Не придирайтесь к словам, Гриша. – Гольдберг заговорщицки подмигнул. – Нам, вам, им, – какая разница? Давайте сядем и соберем вместе факты. Что мы имеем на сегодняшний день? А имеем мы, я вам скажу, довольно непростую в своей сути ситуацию. Собственному

руководству, как вы догадываетесь, я регулярно докладываю о наших контактах. Вы, по неизвестным мне причинам, о таковых категорически умалчивали. Вы спросите меня: и что? А я вам отвечу. Рано или поздно в вашем КГБ все это сопоставят и сделают необходимые выводы. Да, да, сделают, можете не сомневаться. Я вас уверяю, Гриша, не нужно никого недооценивать. Любая, даже самая секретная информация, имеет свойство просачиваться сквозь стены. И толщина этих стен не имеет ровно никакого значения. Я знаю массу примеров, когда люди засыпались на еще больших мелочах. Могу даже рассказать вам несколько. Впрочем, нет. Не стану отнимать ваше драгоценное время и расскажу только одну поучительную историю. Анекдот, по-вашему. Хотите?

– Не хочу.

– А я все равно расскажу. – Гольдберг хихикнул. – В этой истории есть очень великая доля правды. Вы слушайте, слушайте, не отворачивайте лицо. Этой историей однажды решили повеселить нашего Ронни, так с тех пор он ее повторяет как заведенный на всех своих брифингах для прессы. Было, в общем, так. Приехал однажды агент из Нью-Йорка в Ирландию. Но ему успели передать лишь, что местного агента зовут Мэрфи. А еще успели сказать пароль: «Какой хороший день, но вечер будет лучше». Заходит он, значит, в паб ирландского городка, заказывает виски и осторожненько так интересуется: а где я могу найти некоего Мэрфи? Бармен наливает ему порцию и говорит: если вам нужен Мэрфи-фермер, то он живет в двух милях по дороге за юг; если Мэрфи-сапожник, то он живет в соседнем доме; да и моя фамилия, кстати, тоже Мэрфи. Агент понимает, что выхода нет, залпом выпивает виски и произносит как бы в потолок: хороший сегодня день, но вечер будет еще лучше. Бармен развел руками и говорит: а-а, понял, это вам нужен Мэрфи-шпион... И что вы смотрите на меня так грустно, Гриша? Вам не смешно?

– Не очень, – признался Беляков. – Анекдот у вас с длинной бородой. В смысле, старый. У нас есть очень похожий.

– Про агента КГБ?

– Нет, про агента ЦРУ. Только не в Ирландии, а в Советском Союзе. У нас его спустили с лестницы. А пока он катился, то узнал, что ошибся адресом. Шпион Вася жил этажом выше.

– Видите, как много общего у наших народов! – усмехнулся Гольдберг. – В общем, я думаю, Гриша, что прятать голову в песок совершенно глупо. Но и сознаваться во всем спустя месяц тоже глупо. Что вы скажете своему КГБ? Там же ни на секунду не усомнятся, что я вас уже перевербовал. Вас даже слушать не станут, Гриша. Сразу отправят на лесоповал.

Белякову стало вдруг душновато. Такой вариант развития событий ему в голову почему-то не приходил. Ну почему, действительно, он не упомянул о Гольдберге? Надеялся, что разберется с настырным американцем самостоятельно. Не получилось. А теперь Гольдберг, похоже, прав. Рано или поздно, ему придется отвечать за свою самодеятельность. По всей строгости, как говорится, советских законов. Какова на самом деле их строгость Гриша представлял довольно слабо, но догадывался. Не вчера родился...

– Вы только не волнуйтесь, Гриша, – успокаивающе закудахтал Гольдберг. – Давайте, мы сделаем вид, что встретились только сегодня. И сегодня вы сможете смело доложить своему КГБ о том, что в зоне вашей ответственности объявился некий подозрительный человек. Зовут – Боб Гольдберг. Уверяет, что студент из Чикаго. А я, со своей стороны, гарантирую изъятие и уничтожение всех своих прежних донесений. Вас устраивает такой вариант?

– С какой это радости вам разрешат уничтожать документы?

– Ну, так делается иногда. В редких случаях. Для того, например, ну... скажем, чтобы обеспечить прикрытие...

У Белякова сразу обозначились скулы, и Гольдберг поспешил уточнить:

– Я вовсе не собираюсь вербовать вас, Гриша. Завербовать и как бы завербовать – это, поверьте, совсем не одно и то же. Я прекрасно все понимаю, и знаю про ваши, Гриша, высокие

идеалы коммунизма, хотя, лично мне, например, мои идеалы не мешают поддерживать хорошие отношения с департаментом внешней разведки в правительстве государства Израиль. Я уже так долго живу, Гриша, что видел много того, о чем вы даже не догадываетесь. И в вашей Москве я тоже бывал. У меня вообще, если говорить откровенно, сложилось такое впечатление, что Советы долго не протянут. Еще лет десять. Максимум – пятнадцать... Не считите, Гриша, мой прогноз за пропаганду, но дальше – мрак. Все просто рухнет.

– А вы-то чему радуетесь? – Беляков хмыкнул. – Тому, что останетесь без работы?

– Э-э-э, Гриша, тут вы опять не правы. Я без работы никогда не останусь. Меня просто переведут на другое направление. На Ближний Восток, например. – Гольдберг криво ухмыльнулся. – Не льстите себе, Гриша. СССР – это еще не весь мир. И на мою жизнь его точно хватит...

Разговор вышел длинным. Еще почти час Гольдберг пытался втолковать Белякову, в чем именно состоит его предложение. Но Гриша так и не понял, кто кого и зачем, главное, будет водить за нос. Гольдберг говорил сбивчиво и запутанно. Почему-то он был уверен, что КГБ обязательно попытается «сыграть в игру», а Гришу попытаются использовать в качестве «наживки». То есть, сначала Беляков должен будет сделать вид, будто собирается завербовать Гольдберга для работы на КГБ, а потом под давлением обстоятельств должен будет согласиться на предложение о сотрудничестве с ЦРУ. На якобы сотрудничество, естественно. А на самом деле, как уверял Гольдберг, он никому и ничего не будет обязан...

Беляков улыбнулся и смущенно пожал плечами.

– Я не понимаю...

– Ладно, не огорчайтесь, – отступился Гольдберг. – Вы, главное, не старайтесь понять все сразу. Для начала я буду думать за нас обоих. Можете мне поверить, мы оба, ничего особенного не предпринимая, останемся на хорошем счету у своих боссов. А потом, вполне может быть, даже ордена получим. За какое-нибудь мужество. Вы хотите орден за мужество, Гриша?

Беляков устало кивнул. Хотя никакого ордена он на самом деле не хотел. Всем орденам он бы предпочел самую обычную и очень спокойную жизнь...

* * *

Когда загромыхал старенький будильник «Слава», Белякову показалось, что он задремал всего несколько минут назад. Но он заставил себя открыть глаза, подняться и включить свет. Кровать Путинцева уже была аккуратно заправлена. Морщась от головной боли, Беляков завис над умывальником. Отражение в зеркале ему совсем не понравилось. Обвисшие щеки, припухшее лицо, красные глаза, пучки черной щетины. Краше в гроб кладут. Пришлось разжевать две таблетки цитрамона и вяло поскрести по двухдневной щетине тупым лезвием «Нева». Настроение было и без того отвратительным, а тут еще вспомнилось, что вечером заступать в караул. Значит, еще почти сутки на ногах. А потом – очередной вылет. Но к тому моменту, когда Белякова нашел дневальный и сообщил, что «товарища лейтенанта срочно вызывают в штаб полка», он уже успел привести себя в относительный порядок...

Гольдберг оказался прав. Реакция на последний отчет была быстрой. И хотя Белякову никак не хотелось верить в истории о всемогущем КГБ, раскинувшем свою сеть над всем Советским Союзом, но, как назло, первым же офицером, встреченным в штабном коридоре, оказался особист. Капитан Терещенко целеустремленно перемещался в собственный кабинет. Когда Беляков понял, что избежать лобового столкновения никак не удастся, то набрал в грудь максимальное количество воздуха и выплюнул привычное:

– Здржеляю, тырщ капитан!

Терещенко притормозил, раздувая ноздри, как конь перед неожиданным препятствием.

– А-а, это вы, лейтенант.

– Так точно, тырщ капитан! – Гриша, преданно поедал глазами начальство. Бывшему аспиранту кафедры сопротивления материалов было очень не просто вникнуть во все нюансы и тонкости армейской службы. Но со временем он приспособился. И даже вывел универсальную формулу для расчета предельного сопротивления младшего офицерского состава на растяжение и изгиб. Другу, оставшемуся на гражданке, эта формула показалась весьма любопытной...

– М-м-м, – задумчиво протянул Терещенко. – Разговор к вам есть, товарищ лейтенант. А давайте пройдем ко мне, чтобы никто не мешал...

В кабинете особиста Грише бывать до того не приходилось. Присев на предложенный стул, он осторожно осмотрелся. Обстановка, впрочем, оказалась стандартной: стол, несколько стульев, металлический сейф в углу. Хотя капитан Терещенко и слыл в полку сибаритом, но по кабинету догадаться об этом было невозможно. Видимо, отсутствие комфорта на работе тот компенсировал особым домашним уютом.

– Как служба, лейтенант? – поинтересовался Терещенко. – Родителям, надеюсь, письма пишете? Как у них со здоровьем и вообще?

– Пишу. – Беляков кивнул. – Матери. У меня только мать, тырщ капитан. Отца не помню. Он давно нас бросил. А у матери все нормально со здоровьем. Скоро мне очередной отпуск полагается, вот и проводаю.

– Эт хорошо, когда все нормально...

Особист заметно нервничал. Побарабанив пальцами по крышке стола, он потянулся к пачке ленинградского «Космоса». И только в этот момент Гриша догадался, что с его личным делом капитан Терещенко все еще не успел ознакомиться. Видимо, только собирался.

– Знаете, зачем вас в штаб вызвали, лейтенант?

– Никак нет, тырщ капитан. Затрудняюсь с ответом.

Несколько долгих секунд Белякову пришлось вытерпеть пристальный взгляд Терещенко. Взгляд у капитана был холодным и колючим, как полярный ветер за окном, и проникал в Белякова почти до пяток. Какой-то очень не капитанский взгляд... Впрочем, настоящего звания особиста не знал никто. С таким же успехом тот мог быть и полковником. На его общевойсковом кителе красовались лычки инженера-связиста. По соседству, через забор, стоял батальон радиоразведки, так что капитан-связист ни у кого из посторонних подозрений вызвать не мог...

– Затрудняетесь, значит? – Терещенко сильно затянулся сигаретой. – А сегодня утром из штаба армии пришел приказ об отстранении вас от полетов, лейтенант. Почему бы это?

Беляков проследил взглядом за неспешным полетом облачка сизого дыма и подумал, что начинают сбываться предсказания Гольдберга. Впрочем, точность этих предсказаний Гришу совсем не радовала. Пока он ощутил только слабое движение воздушных масс. Но скоро ветер станет сильнее. Потом, если ничего не сделать, его втянет в самый центр циклона. А сделать он уже ничего не мог...

Длинную и пространную речь Терещенко Гриша выслушал в пол-уха, просто кивая в такт его словам. Он и так знал все, что мог ему сказать особист. В интересах государственной безопасности лейтенант Беляков должен сделать то-то и то-то. И, главное, не должен упускать возможных контактов с этим самым Гольдбергом. А всю информацию, которая касается Гольдберга, совсем не обязательно вносить в отчеты о боевом патрулировании. Лучше обо всем немедленно докладывать лично капитану Терещенко. И это можно считать приказом...

На политзанятия Гриша, естественно, опоздал.

– Что произошло у вас на этот раз, товарищ лейтенант? – едко поинтересовался замполит Чернышев.

По рядам офицеров прокатился смешок. Все знали, что регулярные взбучки, которые получал за свои опоздания Беляков, воспитательного эффекта почти не имели. Полковнику Чернышеву бравый лейтенант оказался не по зубам.

– Виноват, товарищ полковник! – Гриша решил, что подробности замполиту знать не обязательно. – Разрешите присутствовать на политзанятиях?

Чернышев демонстративно посмотрел на свои часы.

– Вольно, лейтенант. Так и быть, садитесь. Но за свое очередное опоздание вам придется подготовить две политинформации для личного состава второй эскадрильи. То есть, завтра и послезавтра. Вам все ясно?

– Так точно, – отчеканил Гриша и незаметно подмигнул Кашину. Полковника в очередной раз ожидает суровый северный облом. Следующим утром Гриша будет в карауле, а послезавтра – на Высоте.

– Докладываю специально для опоздавших, – Чернышев прокашлялся и поверх очков сурово посмотрел на Беякова. – Сегодня мы продолжаем обсуждение материалов октябрьского пленума ЦК КПСС. Тема нашего занятия: «Роль и место Вооруженных Сил на современном этапе, в условиях полной и окончательной победы социализма». Как я уже докладывал вам, товарищи офицеры, защита отечества была и остается важнейшей внешней функцией социалистического государства. Необходимость этой функции обусловлена существованием в современном мире агрессивных империалистических сил и опасностью военного нападения на страны социализма...

Дальше замполит прочувствованно поведал о том, что и сам знал только понаслышке. О том, как правильная и дальновидная политика марксистско-ленинской партии Союза Советских Социалистических Республик позволяет поддерживать на должном уровне оборонную промышленность, которая производит в достаточном количестве современные виды оружия, являющегося одним из решающих факторов военной мощи всех государств социалистического содружества. Не забыл упомянуть и о том, что в современной войне большое значение имеет моральный дух народа и его армии, а Вооруженные Силы по-прежнему стоят на переднем крае обороны социалистического отечества. А роль их на современном этапе состоит в том, чтобы защищать мирный, созидательный труд народа, который уже построил социализм и в настоящее время продолжает строить коммунизм...

Беляков затосковал уже через пять минут. Похоже, конспект лекции Чернышев опять списал из учебника по научному коммунизму. Из того же самого, по которому Гриша сдавал когда-то госэкзамены в Ленинградском инженерно-строительном институте. Убаюкивал Белякова и монотонный голос замполита. С трудом поборов зевоту, Гриша перевернул общую тетрадь на обратную сторону. Пока есть время, можно написать несколько строк для матери. А то последнее письмо отправлял еще в прошлом месяце. Спасибо капитану Терещенко – напомнил...

«Дорогая мамочка», – аккуратно вывел в тетради Беляков. Потом перечеркнул и написал ниже: «Любимая моя мамочка». Вдохнул, вычеркнул слово «моя», и задумался. На этом, походе, его фантазия иссякла. А о чем, собственно, писать? В принципе, каждую неделю все события повторялись. В личной жизни никаких изменений тоже не происходило. О службе писать вообще нельзя. Военная цензура каждую строчку обнюхает...

– Чего такой смурной? – шепотом поинтересовался Кашин.

– Хотел письмо матери отправить, – так же шепотом пояснил Беляков. – И понял, что писать-то и не о чем...

* * *

Когда две запланированные встречи с Гольдбергом сорвались, капитан Терещенко занервничал. А Гриша успел надеяться, что американца неожиданно перевели на другое направление и все как-то само уляжется и образуеться, но надеялся он, естественно, напрасно.

На третий раз Гольдберг объявился. И пришел не один, а в обнимку с большой квадратной бутылкой.

– Что отмечаем? – хмуро поинтересовался у него Беляков. – Удачную вербовку?

– Не надо быть таким подозрительным, Гриша, – уклончиво ответил Гольдберг. – К нашим делам моя сегодняшняя радость не имеет никакого отношения. Кстати, о наших делах. По вашему лицу я вижу, что события развиваются в нужном направлении. Вы уже получили добро от КГБ на мою вербовку?

– Пока только на наблюдение, – признался Беляков.

– Отлично. – Гольдберг хитро прищурился. – Тогда и мы не будем торопиться. Вы, Гриша, сможете отныне наблюдать за мной, сколько вам будет угодно. Я открыт для контактов. Но для начала, чтобы наблюдать вам было легче, предлагаю вместе выпить вот это.

Гольдберг потряс своей бутылкой, выудил из Гришиной тумбочки два пыльных стакана и щедро наполнил их янтарной жидкости.

– Я пить не буду, – поморщился Гриша, решительно отставляя стакан.

Гольдберг пожал плечами и быстро опустошил оба стакана сам.

– А я вот, сознаюсь, иногда употребляю односолодовое виски. И настроение он него поднимается, и последствий для организма никаких...

– На Высоте алкоголь действует сильнее. Нам медики объясняли...

– На какой еще Высоте? – удивился Гольдберг.

– Как это – на какой?

– Ах, да, простите. Высота... Ну конечно, как я мог забыть, что ваши стратеги из Генштаба так называют астральный уровень. – Гольдберг хмыкнул. – Но звучит, действительно, красиво. Высота! Вот только на счет алкоголя, Гриша, не верьте вашим медикам. Они тоже из КГБ. Им что прикажут, то они и говорят. Вам когда-нибудь приходилось пить во сне русскую водку? Неужели оттого, что вам снилось, как вы ее пили, то утром вы просыпались пьяным? Вот и здесь точно так же. Это как сон, Гриша. Только во сне вы не можете полностью чувствовать и контролировать свое тело, а здесь – пожалуйста. В общем, не будем тянуть. Возьмите стакан. Мне очень хочется выпить. И я предлагаю поднять эти ваши стаканы за хорошее начало нашей очень большой дружбы.

У Белякова нервно дернулось левое веко.

– Знаете, Боб, я выпью с вами позже. А сейчас мне бы хотелось определиться с моей... э-э-э... как бы вербовкой. Ведь ваше начальство считает, что вы меня завербовали по-настоящему?

– Ну, – добродушно подтвердил американец. – И что?

– Значит, теперь я должен буду передавать вам какие-то секретные сведения. А если я их вам сообщу, то какая же это «как бы вербовка»?

– Ой, Гриша, давайте не будем волноваться раньше времени, – отмахнулся Гольдберг. – Вам же нравится бывать на этой самой, как вы сказали...

– На Высоте? Да, нравится. И какое это имеет значение?

– Самое прямое. – Гольдберг сделал внушительный глоток из стакана, закинул ноги на тумбочку и радостно заржал. – Если я правильно все рассчитал, то теперь ваше КГБ по собственной инициативе начнет снабжать вас такой секретной информацией, что вам останется только сушая безделица – передавать ее мне. А я, в свою очередь, буду передавать ее своему руководству. Очень просто, Гриша. И все участники этого процесса останутся очень довольны друг другом... А вообще, не ломайте себе голову, Гриша. Разведка – это очень запутанное дело. Лучше держитесь ближе от меня... Или ко мне? В смысле, я вас в обиду не дам...

Еще полчаса Гольдберг искренне веселился, пересказывая Белякову курьезные случаи из личной жизни президента. А когда выдохся, подвел итог:

– Все-таки, американская демократия пришла в тупик. Вы только представьте, Гриша, сегодня любой американец может прийти к Белому дому с плакатом, где написано «Долой Рейгана». И ничего ему за это не будет! Согласитесь, такая терпимость к чужому мнению совершенно непредставима в вашей стране.

– Не соглашусь, – возразил Беляков. – У нас тоже любой человек может выйти на Красную площадь с плакатом «Долой Рейгана». И ему тоже ничего за это не будет.

Гольдбергу такая версия демократии понравилась настолько, что он свалился от смеха с кровати. И подняться он уже не смог. Так и заснул на полу. И все Гришины попытки его разбудить ни к чему не привели. Американец хрипел, мычал, бормотал что-то невразумительное и мужественно брыкался. В итоге Гриша смог только освободить подходы к кровати. На большее рассчитывать уже не приходилось. Чтобы не терять время даром, Беляков выключил свет и придвинул табурет поближе к окну. Сосредоточившись, он опять попытался разглядеть траекторию взлета Гольдберга. Но у него опять ничего не вышло. Она потерялась где-то во мраке. Там же, видимо, потерялась и точка входа Гольдберга на Высоту. Все это Грише очень не нравилось. Так не бывает, чтобы в одно мгновение американца на Высоте еще не было, а в следующее мгновение он уже здесь. Траектория взлета в любом случае должна была остаться...

Поводив по влажному стеклу пальцем с обкусанным ногтем, Гриша нарисовал непроизвольно опрокинутую восьмерку бесконечности и задумался. Судя по намекам и оговоркам, Гольдберг знал его личную историю весьма подробно. А почему, вообще, американцы искали встречи именно с ним? Чем же так отличился лейтенант Беляков? В Ленинградском инженерно-строительном институте, куда занесла судьба новоиспеченного выпускника средней школы № 3 города Барабинска, он не выделялся ровно ничем. Учился хорошо, да, но и звезд с неба не хватал. Честно тянул лямку общественной жизни, но тоже не чрезмерно, ограничиваясь кругом обязанностей комсорга своей группы. Был, в общем, как все. Даже девушки им особо не интересовались. Выделили Гришу только перед самым распределением. И тут ему неожиданно повезло. Руководитель преддипломной практики предложил место лаборанта с перспективой аспирантуры.

Впрочем, это везение тоже можно считать относительным. Не польстился он на то место, в аспирантуре, не сидел бы сейчас в Заполярье. Мог же он, кстати, изменить судьбу и позже, когда вызвали в Москву на третью медкомиссию. Нужно было не ходить по врачам, а сразу рвануть к матери в Барабинск. И отсидеться у нее хотя бы полгода. Но он знал, что может за такие фокусы вылететь из аспирантуры, от того и ходил честно, куда посылали. А посылали его долго. Больше недели Белякова подключали к каким-то незнакомым приборам, кололи какие-то препараты с незнакомыми названиями, что-то измеряли, снимали энцефалограммы. А после той комиссии Гришу удостоил вниманием сам военком Ленинградской области. Именно в приемной облвоенкома Беляков и начал понимать, что пропадает. Он еще пытался сопротивляться судьбе, даже успел оформить перед отправкой в Заполярье двухгодичный академический отпуск, но правда, которую он узнал через год, обрушила последние надежды. Отпускать его обратно «на гражданку» никто и не собирался. Пилотов-высотников давно уже не хватало. Их искали всюду: среди танкистов, артиллеристов, связистов, подводников, и даже среди офицеров запаса. Но крайне редко встречались кандидаты, которые по своим психофизическим показателям подходили так идеально, как бывший аспирант ЛИСИ Григорий Беляков.

* * *

Недели проносились мимо одна за другой. Все уже начинали строить планы на новогоднюю ночь, только Белякову было не до праздников. С одной стороны его зажимал Терещенко, а с другой – Гольдберг. Результаты были весьма скудными, и с каждой неделей особист нервничал все сильнее, а Гольдбергу, судя по всему, просто нравилось игра на нервах.

– Не волнуйтесь, Гриша, все идет по плану, – постоянно твердил он. – Скоро ваш капитан начнет действовать еще активнее. Завтра, думаю, он спросит вас вот о чем...

После таких слов следовали подробные инструкции. Гольдберг любил расписывать сценарий встреч с Терещенко подробно, по ролям, продумывая монологи не только за Гришу, но и за особиста. И почти ни разу не ошибся, как ни странно. Любой шаг Терещенко американец просчитывал на два хода вперед.

– Слишком просто. Так не бывает, – высказывал иногда сомнения Беляков.

– Что вы, Гриша, простоты в нашей работе никакой нет. Дело в том, что этот офицер КГБ, с которым вы контактируете, – скаут первого года обучения. Но он по каким-то причинам решил, что уже готов отправиться в поход без своего скаутмастера. А настоящий рок-н-ролл начнется, когда к нашей операции КГБ подключит «гусей». В смысле юношей из Первого главного управления. Хотя, я допускаю, конечно, что капитан решил подольше поиграть, чтобы втянуть нас в свою собственную игру. Может, он тоже орден хочет получить? В общем, терять бдительность я вам не советую. А еще я не советую вам, Гриша, затевать собственные игры. Даже если такие мысли вас посещали, то гоните их. Дилетанты-одиночки в нашей профессии не выживают...

Мысли такие Гришу действительно посещали. Но он уже легко выдерживал пристальный взгляд Гольдберга, и даже мог сделать вид, что вообще не понимает о чем идет речь. Обучался он быстро. И очень многое стал замечать только теперь. Резкие перемены, происходившие на его глазах с отцами-командирами, например. Железный Феликс, с которым Беляков постоянно сталкивался в узком штабном коридоре, когда направлялся на доклад к Терещенко, вяло прикладывал руку к папахе в ответ на Гришино уставное приветствие и быстро отводил взгляд в сторону. Лицо начальника штаба при виде Белякова вообще превращалось в восковую маску. А замполит Чернышев за весь месяц вообще не сказал Грише ни слова. Правда и Гриша старался больше не опаздывать на политзанятия. И еще он замечал, что полетные задания становились для него с каждой неделей все более скупыми, пока вообще не превратились в формальность.

Впрочем, вскоре у Белякова возникли такие проблемы, на фоне которых все предыдущие уже выглядели досадными неприятностями. Сначала куда-то пропал Гольдберг. Гриша трижды безрезультатно прождал его на Высоте, и перед четвертым взлетом решил для себя: если и в этот раз американец не объявится, то пора давать задний ход. И плевать на Терещенко с его амбициями, и на ЦРУ с КГБ вместе взятыми. Да на взлете в тот день все пошло вкривь и вкось. Сначала у Белякова отказала часть бортовых приборов. Техники непонимающе развели руками. Мол, сигнал не проходит. Без всякой видимой причины. А потом так же неожиданно и без видимой причины заработали.

На Высоте он большую часть времени прослонулся из угла в угол, не зная чем себя занять. С тоской оглядывал неприбранную постель, измятые простыни и толстый слой пыли на подоконнике, но как только заставил себя взять в руки веник, с легким звоном задрожало оконное стекло. Потом еще раз. Гриша осторожно, на цыпочках, приблизился к подоконнику, но не смог увидеть за окном только тугие клубки темноты. Нехорошие предчувствия, преследовавшие Белякова с самого взлета, усилились опять. Но в этот момент в стекло прилетел еще один камень.

– Да кто же там, вашу мать?! – Беляков в ярости распахнул оконные створки и тут же замер. Раньше ему даже в голову не приходило, что это окно можно вообще открыть...

– Застрял? – прозвучал равнодушный вопрос откуда-то снизу. Гриша осторожно перегнулся через подоконник и заметил под окном темное пятно. Еще через пару секунд пятно стало приобретать четкие контуры, и оказалось, в итоге, мужчиной в темном костюме.

– Вы ко мне? – Беляков был так удивлен происходящим, что даже испугаться не успел.

– Давай, давай, прыгай вниз, доходяга. Ждут тебя.

На вид мужчина в костюме был не старше Беякова, только на голову выше и килограммов на двадцать тяжелей. Пиджак на его крепких плечах сходилась едва-едва. По таким приметам не трудно было опознать «своего». Да еще такого «своего», с которым лучше вообще не спорить...

Прыгать со второго этажа было высоковато, но Беяков хорошо сгруппировался и приземлился почти без потерь. Разве что пятку немного ушиб. Там, где должны были стоять два корпуса института, оказался почему-то большой парк. Туда они и направились по узкой прямой аллее. Шли, как показалось Грише, довольно долго. Остановились у аккуратной деревянной беседки над небольшим прудом. Внутри беседки дремал старик в светлой рубашке и нелепой летней шляпе из соломки. Гришин провожатый в беседку заходить не стал. Остановился рядом и почтительно произнес:

– Леонид Ильич, вот...

Старик встрепнулся и внимательно оглядел Беякова.

– Кого ты опять привел, сиськи-масиськи?

Без парадного маршальского мундира Гриша узнал Генсека не сразу, но характерный тембр голоса и густые брови не оставляли места для сомнений.

– Мы нашли... Это... Того самого, Леонид Ильич, – пояснил Гришин провожатый. – Про которого, ну...

– А-а-а... – Старик вяло взмахнул рукой. – Долго искали... Но нашли... Это хорошо... А чего ты тогда встал, если уже нашли? Иди, иди, подыши воздухом. Хороший здесь воздух – полезный для здоровья...

Сдвинув шляпу на затылок, Генсек покосился на Беякова и похлопал морщинистой ладонью по темному дереву скамьи.

– А ты садись, если ты тот самый. Не стой, понимаешь, столбом...

– Здравствуйте, Леонид Ильич, – с трудом выговорил Беяков и нерешительно опустился рядом.

– Ну и чего, спрашивается, вы все заладили, как попугаи: Леонид Ильич, Леонид Ильич... Тебя как зовут?

– Григорием. Можно Гришей называть. Я привык.

Генсек хитро прищурился.

– Ну а меня, Гриша, можешь называть запросто: Ильич...

Мой папа – летчик. Весна. 2016

Автомобильная река долго двигалась короткими и нервными рывками, а ближе к метро-мосту движение вообще встало. Токарев бездумно просканировал все местные FM-станции и, не обнаружив ничего, что заслуживало бы внимания, откинулся на сиденье служебного «Шевроле-Волга». Его водитель нерешительно разминал сигарету.

– Не возражаете, Александр Петрович?

– Тебе что, выхлопов мало? – У Токарева, давно бросившего курить, даже мысли о табаке вызывали с некоторых пор раздражение. – Хочешь травиться, приоткрой форточку...

– Светофор еще со вчерашнего вечера не работает. По «Милицейской волне» с утра передавали, – не вовремя поделился своими познаниями водитель.

– Если ты все знал, так почему не поехал по другому мосту? – Раздражение Токарева уже стало выплескиваться через край.

– Здесь же ближе, Александр Петрович? Не хотелось вас кругами возить...

– Вот и жди теперь, пока пробка рассосется, а я пешком дойду!

Токарев решительно толкнул тяжелую дверь, выбрался из машины и закашлялся. Над дорогой нависала бензиновая гарь. И было очень холодно. Токарев поежился, запахнулся плотнее в светло-серое пальто из тонкой телячьей кожи и поднял повыше воротник, отороченный мехом куницы. Несмотря на весенние приметы, морозец стоял еще основательный. Днем снег раскисал на солнце, а за ночь холод успевал схватить верхний слой снежных сугробов толстой ледяной коркой, серой и неприглядной. Можно было, конечно, перемахнуть через ограждение, но Токарев не хотел измазать пальто и до ближайшего светофора пробирался вдоль дороги, от края до края забитой фыркающими авто. Идти пешком было странно и непривычно. Каждый день он проезжал по этой улице, но никогда не замечал чемоданной однотипности новых офисных и торговых центров, выполненных в одинаковой стилистике с заплатками из сине-зеленых витражей. Сквозь тонированные стекла его автомобиля урбанистический пейзаж выглядел более благородно, чем в натуре.

На дорогу к станции метро у Токарева ушли почти двадцать минут, хотя расстояние, на самом деле, было небольшим. Тонкая кожаная подошва его легких туфель постоянно проскальзывала на ледяных проплешинах тротуаров, и дважды он чуть не растянулся на льду. Зато в метро оказалось пусто. И от станции до офиса было совсем недалеко – всего пять минут пешком, так что Токарев зашел в свою приемную уже в относительно нормальном настроении. Он коротко кивнул секретарю. Девушка по имени Алла, на лице которой совсем не отражался ее значительный интеллект, незаметно кивнула в ответ и взглядом показала на первых посетителей, чтобы Токарев успел просочиться в свой кабинет как можно незаметнее. Он уже давно привык, что перед его дверью всегда кто-нибудь да стоит. Когда занимаешься таким хлопотным и непростым бизнесом, как ритуальные услуги, то ко всему привыкаешь быстро.

Еще десять лет назад Токарев был простым похоронным агентом при небольшой фирме «Анубис». А потом сумел убедить начальника областной Судмедэкспертизы в выгодности этого направления и для государственной структуры. Сначала был организован небольшой коммерческий отдел, который Токарев и возглавил, а со временем отдел расширился, разделился на три самостоятельных подразделения, стало развиваться собственное производство и Токареву предложили создать коммерческую службу при Судмедэкспертизе. Люди продолжали умирать и дела, в общем-то, шли у него неплохо...

Первым, растолкав посетителей, в кабинет прорвался его новый помощник – Артур. Традиционный отчет Токарев выслушал в пол-уха. Опять столярный цех не справляется с объемами, приходилось добирать гробы их на стороне, а это упущенная выгода, как ни крути. Тока-

рев поморщился. Больше всего ему хотелось прямо сейчас выгнать Артура, упасть в глубокое кресло и запить утреннюю депрессию большой чашкой крепкого кофе...

– Сколько за ночь клиентов? – прервал своего помощника Токарев. – Я же просил: начинайте всегда с главного!

– Двадцать семь, – отрапортовал Артур.

– В этот раз твои девушки не пропустили ни одного скорбящего родственника!

– Обижаете, Александр Петрович. Правда, один «безнадежный» есть. Кроме пособия там ничего не ожидается. Я уточнил. Родственники разбежались, похоже, уже давно. Много лет один проживал... – Артур замялся.

– Что такое. Проблемы? – поинтересовался Токарев.

– Умер он странно. Просто сел на диван, ну и... в общем... на предмет отравления из милиции уже дважды приходили. Уговаривали наших патологов, чтобы они болезнь какую-нибудь выявили. Те только руками разводят и пытаются отбиться от внутренних органов.

– Как фамилия? – неожиданно для себя спросил Токарев.

– Я сейчас в журнале нашем проверю, – пробормотал Артур. – Боюсь ошибиться. И фамилия, помню, какая-то простая, но запамятовал...

Когда Артур исчез за дверью, Токарев облегченно вздохнул и разрешил пропустить к себе первого посетителя. Пожилая женщина долго всхлипывала и сбивчиво пыталась ему что-то рассказать. Токарев кивал, что-то обещая, но не особо вслушивался в просьбу. Из головы почему-то не выходил покойник, поступивший в морг прошлой ночью.

Звякнула трубка на столе. Это был Артур.

– Вы просили узнать фамилию вчерашнего, Александр Петрович, – напомнил он. – Так вот, его фамилия Беляков.

– А имя?

– Беляков Г. С. Может, Геннадий Сергеевич? Нет, простите, здесь ниже есть расшифровка. Григорием Семеновичем его звали. Поступил вчера в 23–47. Если вам интересно, адрес тоже имеется. Сейчас... Ага. Парковый проезд, 15–21. – Артур помолчал в трубку. – Вы его знали, Александр Петрович?

– Это отец моего школьного приятеля... – Токарев помолчал. – Ты вот что, Артурчик, держи меня в курсе, лады? Говоришь, родственники Григория Семеновича разбежались?

– Так соседи говорят. – Артур словно оправдывался. – Говорят, много лет никто у него не появлялся. Там участковым бодрый паренек, успел даже свидетелей опросить, пока ждал труповозку...

Токарев по инерции принял еще трех посетителей. Всех рассеянно выслушал. Всем пообещал помочь. Потом предупредил секретаря, чтобы никого к нему не пропускала. Вообще никого. Даже Артура. Токареву нужно было некоторое время побыть в одиночестве. Когда они, еще совсем мелкие пацаны, довольно часто забегали к Вадиму в гости, дядя Гриша, как они его называли, всегда был дома и всегда был им искренне рад. Занимательные истории рассказывал, учил вязать морские и «мертвые» узлы. А еще в шахматы учил, в шашки, в «Монополию», «Воздушный бой». Потом пристрастил всю их компанию к японской игре со странным названием «Го»...

Покопавшись во всех ящиках стола, Токарев нашел несколько потрепанных записных книжек. Но телефона Вадима Белякова нигде не обнаружил, как ни странно. Пришлось обзванивать бывших одноклассников. Пятеро сразу сказали: извини, Саша, ничем помочь не можем. Один, правда, вспомнил, что в последний раз слышал о Вадиме лет пять назад. Тот, якобы, куда-то перебрался из Омска. Куда – неизвестно. И тут Токарев вспомнил про девочку Свету, которая была к Вадиму равнодушна с седьмого класса. Она, конечно, уже давно была не девочка, и двоих детей уже родила, но старая любовь, говорят, не ржавеет. Так и оказалось, собственно. Номер Вадима она нашла сразу. Как будто он был у нее всегда под рукой.

Токарев набрать короткую цепочку цифр и услышал в ответ частое дыхание.

– Заяц, это ты? Привет.

– Кто это?

Голос в трубке звучал раздраженно.

– Токарев моя фамилия...

– А, Санек, извини, не узнал. – Голос стал чуточку мягче. – А чего вдруг вспомнил обо мне? Только не говори, что соскучился.

– Тут такое дело, Заяц... не знаю, как и сказать... В общем, Беляков Григорий Семенович, отец твой, умер вчера вечером. Он сейчас в нашем морге...

Вадим молчал.

– Эй, Заяц, слышишь меня? – уточнил Токарев.

– Он мне не отец.

– Не понял... – удивился Токарев.

– Слушай, все так запутано, что сразу не объяснишь. Я вообще сейчас в Барселоне. До Омска, сам понимаешь, путь не близкий. А нельзя, чтобы мой папана в вашем морге пару недель полежал, пока я тут с делами разберусь?

– Ну, не знаю, если честно. Посмотрим, что можем сделать... – Токарев такой реакции не ожидал и немного растерялся. – Может, матери твоей позвонить? Я сам все вопросы решу с похоронами, если тебе никак...

– Нет, матери ни в коем случае не звони, – попросил Вадим. – Сань, короче, я завтра к вечеру прилечу. И мы спокойно все обсудим. Самый край – послезавтра утром...

Услышав короткие гудки, Токарев отпихнул мобильник на край стола. Несколько минут покрутился в кресле. Механически включил ноутбук, убедился, что в ящик насыпался только спам и поднял взгляд к потолку. В глаза бросилась бракованная плитка, которую он давно хотел поменять.

– Хренотень какая-то! – пробормотал Токарев.

Недоумение после разговора с Вадимом сменилось глухим раздражением. Отношения отца и сына Беляковых – это их личное дело, в конце концов. А он лишь хотел помочь школьному другу. Если помощь не требуется, так бы сразу и сказал. А то: прилечу – не прилечу...

Дверь тихо приоткрылась. В кабинет осторожно заглянула Алла.

– Александр Петрович...

– Нет меня! – рявкнул Токарев. – Ни для кого нет! И дверь закройте!

– Я хотела вам кофе предложить, – спокойно продолжила Алла.

– Да, точно, сварите мне кофе. И кружку возьмите самую большую, которая только есть в этой конторе!

Дверь закрылась. В ближайшие полчаса его уже точно никто не побеспокоит...

* * *

Настойчивый утренний звонок вытряхнул Токарева из постели. Быстро схватив трубку, пока не проснулась жена, он переместился в кухню. Судя по часам, это мог быть только Вадим. Как раз в это время приземлялись утренние рейсы из Москвы.

– Сань, извини, если разбудил... – Это действительно был Вадим. – Хочу такси в аэропорт вызвать, но не знаю куда ехать. Скажи мне адрес вашего офиса.

Токарев продиктовал адрес, злорадно представив, как Вадим возьмет такси, благополучно доберется до Судмедэкспертизы, а потом еще пару часов будет топтаться перед закрытой дверью. Стрелки кухонных часов показывали половину шестого. Рабочий день начинался с половины девятого. Впрочем, решил Токарев, пусть это послужит Вадиму небольшим уроком.

И с этой мыслью он включил кофеварочный агрегат и долил в него воды. Ложиться в постель уже не имело смысла. Все равно скоро опять вставать...

Вадим действительно проторчал перед крыльцом Судмедэкспертизы не меньше двух часов. Гламурная серая курточка с россыпью мелких кармашков если и была хороша для теплой зимней Барселоны, то от холодной сибирской весны ее условный мех защитить никак не мог.

– Ч-черт, подзабыл уже, какие в Омске холода бывают в марте, – первым делом пожаловался Вадим, высунув синий нос из-под капюшона.

– Продрог? – с преувеличенным участием поинтересовался Токарев.

– Слабо сказано – продрог! – Вадим не заметил сарказма. – У меня, ч-черт, уже зуб на зуб уже не попадает. Я ведь в чем был, в том и прилетел. Замерз, как бродячая собака. Не сообразил, что у вас с шести утра никто не работает. Можно было сначала к матери заехать, а потом уже к тебе. У нее бы точно нашлись для меня вещички потеплее...

– Пройдемте, друг мой, в кабинет. – Токарев поколдовал с кодовым замком и гостеприимно распахнул дверь. – Буду тебя отогревать, а то как-то ты не очень. Прямо скажем. У меня в ассортименте есть коньяк, виски, абсент, мартини, граппа. Испанских напитков не держим. Или ты русскую водку предпочитаешь?

– Я предпочитаю не замерзать, – проворчал Вадим, но от рюмки коньяка не отказался. Долго грел золотистый напиток двумя руками, забившись в угол кожаного дивана. Не так давно Токарев пристроил к своему кабинету комнатку для почетных гостей. Там они и присели, перебрасываясь хмурыми взглядами. Известное дело, чем больше не видел старого друга, тем сложнее начать разговор.

Первым не выдержал долгой паузы Беляков.

– Как дела?

– Как-то все сложно. В трех словах и не расскажешь, – отозвался Токарев.

Вадим пригубил коньяк и ссутулился еще сильнее...

Друг детства, как отметил про себя Токарев, почти не изменился. Остался таким же худым и длинным, будто складной метр. Хотя внешнего лоска он поднабрался, отрицать нельзя. Что-то неуловимо европейское проявляется и во взгляде, и в одежде, и в манере держаться...

– Санек, извини! Ну, дурость я тогда сболтнул по телефону. Просто растерялся от неожиданности... Похороны и вообще... Я ведь не малейшего представления не имею, как все это делается...

– Все сделаем, – успокоил друга Токарев. – Организуем и похороны, и поминки. Вот только с деньгами надо вопрос решить. Можно, конечно, на пособие похоронить, но не лежит у меня душа к таким мероприятиям. Дядю Гришу ведь будем хоронить, а не бомжа подзаборного. Если у тебя проблемы с наличностью, ты так и скажи. Могу занять. Рассчитаешься, когда жизнь проще станет.

Вадим отрицательно помотал головой.

– Нет, деньги есть. У меня с собой Visa. Сегодня же найду банкомат, сниму наличность и отдам, сколько скажешь. Пусть все будет как положено: цветы, венки, оркестр... А ты военный оркестр, кстати, сможешь организовать?

– Попробуем...

– Было бы здорово, честное слово. Трам-пам-пам и всякие там «Прощания славянки». А какие бумаги мне нужно заполнить?

– Мы все подготовим, а ты просто распишешься. Думаю, никаких проблем не возникнет. Все сложности с установлением факта смерти мы еще вчера утрясли... Слушай, Заяц, а мать-то твоя хотя бы в курсе?

– Я по телефону не стал ей ничего говорить. Сказал, что приеду. И все расскажу.

Токарев помолчал, прокрутив в голове исходные данные.

– Тогда вот как мы сделаем. Завтра с утра привезем твоего отца домой, чтобы люди успели с ним попрощаться, а вынос тела на двенадцать назначим. Не забудьте только ключи от его квартиры забрать. Они должны быть в милиции – у участкового. И сразу про кладбище у матери уточни. Если ее «Южное» не устроит, то спроси, какое предпочтительней. И сразу мне отзвони. Понимаешь, все городские кладбища, кроме «Южного», давно закрыты для захоронений. Если твоего отца законно подхоронить не к кому, то нам потребуется дополнительное время на поиск места. Да и земля еще мерзлая. Могилу трудно будет копать... Но я все сделаю, ты не беспокойся...

С похоронами, как Токарев и предполагал, проблем особых не возникло. Организацией он попросил заняться лично Артура. Тот провел все мероприятие по высшему разряду. Беляков-старший возлежал в оббитом бархатом гробу, а военные оркестранты блестяли аксельбантами и начищенной медью инструментов, печально шествуя за пожилым тамбур-мажором. Правда, народу на похоронах собралось совсем мало. Подтянулись поплакать старушки-соседки. Да некоторое время постояла у гроба парочка помятых личностей со следами хронического алкоголизма на лицах. Коллеги, видимо, подумал тогда Токарев. Последние годы Григорий Семенович работал грузчиком в расположенном по соседству супермаркете.

Мать Вадима убитой горем не выглядела. Так, всплакнула слегка, когда гроб с бывшим мужем в землю опускали. Вадим тоже отстоял у гроба с каменным лицом. А вот на поминках неожиданно раскис. Сначала опрокидывал в себя водку рюмку за рюмкой, а под конец, когда почти собравшиеся уже разошлись, чуть не полчаса бился в истерику. Закончилось тем, что Токарев просто взял Вадима в охапку и почти насильно сунул в такси. Вадим сопротивлялся, брыкался, выскакивал из машины, делал неоднократные попытки вернуться в кафе, так что вызванному по телефону таксисту пришлось тройной тариф заплатить за терпение.

Со всеми этими похоронными хлопотами Токарев так вымотался, что когда вернулся вечером домой, то вздохнул с искренним облегчением. Совесть его была теперь чиста.

– Где носило? – вяло поинтересовалась супруга.

– На поминках был.

– Значит, не голодный, – сделала свой вывод супруга, выключила телевизор и удалилась в спальню.

На этой оптимистической ноте день и закончился.

С утра Токарева закрутили новые дела, и проблемы Вадима быстро вылетели у него из головы. Только один раз он вспомнил о нем, да и то без напряжения. Просто вспомнил – и все. Но дней через пять Вадим вновь напомнил о себе. Позвонил. Долго мычал в трубку что-то невразумительное, пытался, видимо, извиняться за неприятный инцидент на поминках. Токарев устал его слушать уже через пару минут.

– Заяц, я не глухой. Не нужно мне все повторять по три раза. Я все уже понял.

– Сань, ну клянусь, даже не понимаю, что нашло на меня в том кафе...

– Все, все, закрыли тему, – отрезал Токарев и поморщился. Жена демонстративно прибавила громкость телевизора в гостиной.

Но Вадим не унимался. Что-то начал опять путано объяснять, потом принялся уговаривать Токарева встретиться. Прямо сейчас. Оказалось, что он уже час сидит в кафе «Акапулько». Токарева не успел придумать подходящего повода, чтобы отказаться, да и забегаловка эта была совсем рядом, буквально по соседству с его домом, поэтому пришлось набросить старый пуховик, спуститься с четвертого этажа и пройти несколько минут по морозному вечернему воздуху к автобусной остановке. В этом «Акапулько» он ни разу не был, но светящуюся вывеску на грязном павильоне помнил хорошо. Очень уж она дисгармонировала своим романтическим названием с мрачноватым окраинным пейзажем.

Небольшой зал, как и ожидал Токарев, был полупустым. Вадим занял место на двоих за столиком у окна. Рядом с его столиком уже выстроилась шеренга из пустых пивных бутылок. На столе ожидали своей очереди на открытие еще несколько.

– Можешь считать меня полным идиотом, – сразу сообщил Вадим. Был он мрачен и слегка пьян.

Токарев хмыкнул, подвинул к себе бутылку незнакомого темного пива, внимательно осмотрел этикетку, дернул крышку за кольцо, потом вытянул из подставки бумажную салфетку и брезгливо протер липкую от пива столешницу. За соседним столиком громко рассмеялись. Токарев непроизвольно обернулся. Смеялись не над ним. У компании, которая состояла из трех мужчин в грязных куртках и потертой дамы в короткой юбке, лисьей горжетке и нелепых в это время суток темных очках, были, видимо, свои поводы для веселья.

Токарев и поискал взглядом стакан. Не нашел и по примеру Вадима отхлебнул пиво из горлышка. Теплый напиток бурно запенился, вырвался из бутылки и оставил на поверхности стола еще один липкий след.

– Санек, ты пойми, кроме тебя у меня в этом городе никого и не осталось. – Вадим икнул и слишком резко откинулся на спинку пластикового стула, едва его не опрокинув. – Ну, почти никого. Мне даже посоветоваться не с кем...

– Ты круги не нарежай. Рассказывай о проблеме. И не тормози, у меня времени мало, – предупредил Токарев.

– Можешь съездить со мной к отцу? В смысле, не на кладбище, конечно, а к нему на квартиру.

– Что, прямо сейчас? – Токарев тремя большими глотками прикончил бутылку и поставил ее рядом с остальными.

– Ты только сразу не отказывайся, – заторопился Вадим. – Мы вызовем такси, быстренько смотаемся и сразу вернемся. Много времени я у тебя не отниму, честное слово. Удостоверимся, что там все... ну, в смысле...

– В каком таком смысле? Говори яснее. Не люблю загадок, – оборвал Токарев. – Пока не объяснишь, никуда не поеду. И не надейся.

– Так я и пытаюсь это... объяснить. Ты детективы любишь?

– Ненавижу.

– И правильно, – согласился Вадим, зачем-то оглядываясь по сторонам. – Было время, когда я эту заразу буквально пачками проглатывал. Стрелецкая, Левандовская, Потанина, Козлова. Их в магазинах давно на метры продают. Особенно Левандовская была плодovита. Она сначала работала какой-то там воспитательницей в приюте, а потом взялась детективы строчить. И настрочила за десять лет не меньше сотни. Представляешь?

– Ты меня о литературе позвал поговорить? – Токарев уже стал раздражаться.

– Нет, Сань, ты не сердись, это я просто к слову. Понимаешь, во всех этих дамских детективах главные герои – это всегда особо тупые идиоты. Они живут себе спокойно и вполне благополучно лет до тридцати, а потом обязательно влипают в неприятности. Приезжает, например, такой герой на отдых, а там – труп в фонтане. Или садится он в поезд, а в купе на него сверху падает, сам понимаешь, кто.

– Ты что, у отца в квартире труп нашел? – потерял терпение Токарев.

– Да нет. – Вадим поморщился. – Про труп – это я условно.

– А ты не условно, а конкретно говори.

– Хорошо, хорошо, – закивал Вадим. – Только ты меня не перебивай.

Токарев демонстративно посмотрел на часы, открыл еще одну бутылку пива и вытянул ноги. Он уже понял, что застрял надолго.

– Ладно, слушаю тебя внимательно.

Видимо, Вадиму нужно было сразу сказать именно это. Во всяком случае, он тут же перешел к сути. Оказалось, с утра ему что-то срочно понадобилось в квартире отца. Он открыл дверь своим ключом, минут десять потоптался, потыкался по всем углам, нужной вещи не нашел и вышел подышать свежим воздухом на балконе. Дышал не долго, минуты две, а когда вернулся в комнату, то услышал звук, похожий на щелчок закрывающегося дверного замка...

– Хочешь сказать, в квартире кто-то был? – уточнил Токарев. – А слуховыми галлюцинациями ты раньше никогда не страдал?

Вадим смутился и подергал себя за мочку уха.

– Сказать по правде, я все варианты перебрал. А вдруг...

– Вдруг – это как? – с деланным равнодушием поинтересовался Токарев, прихлебывая из бутылки. – Я очень плёхо понимаюй по-русски...

– Все, больше не стану тебя уговаривать, – сказал Вадим, складывая в пакет неоткрытые бутылки. – Либо сейчас, либо никогда. Поехали. Там и пиво допьем...

Он достал из кармана телефон, набрал номер такси и шепотом поинтересовался:

– Какой адрес у этого мексиканского притона?

– Улица Алтайская. Номера я не помню. Скажи: кафе на остановке «Хлебозавод»...

* * *

Более запущенной квартиры, чем у Беякова-старшего, Токареву не приходилось видеть уже давно. Из всех углов буквально сквозило нищетой – давней и отчаянной. По стенам длинными лоскутами свисали отставшие и выцветшие обои. Половые доски, длительное время не знавшие краски, рассохлись так, что в некоторых местах зияли щели в два пальца. Центр пыльной комнаты занимал большой стол с ветхой скатертью. Когда-то, вероятно, его полировали лаком, но сейчас это были уже дрова. Как, впрочем, и диван у стены. Из мебели в комнате имелся еще покосившийся одежный шкаф, а в углу пылились грязная раскладушка. Не густо с мебелью было и на кухне. Стояли лишь самодельный столик и пара трехногих табуреток. Остальные места для сиденья были выполнены из подручных материалов – деревянных ящиков. И всюду царил грязь. В комнате, в коридоре, над ржавой газовой плитой. На окрашенных бурой эмалью стенах расплзались многослойные потеки липкого желтого жира...

Токарев распахнул все форточки и даже приоткрыл балконную дверь. Ему хотелось выветрить из квартиры запахи, которые у нормального человека мгновенно вызывают приступ отчаянной тоски. Вадим, не обращая на него внимания, потерянно ходил кругами.

– Заяц, ты смотри по сторонам внимательней, раз уж мы приперлись в такую даль, – напомнил о себе Токарев.

– Куда смотреть? – рассеянно отозвался Вадим.

– На вещи смотри. Вдруг, пропало что-то. Вдруг, это бывшие коллеги твоего отца на огонек забредали: выпить по-тихому, перекусить. Мало ли, кому он ключ мог дать. Например, любимой девушке Люсе из соседней подворотни.

– Легко сказать: смотри, – проворчал Вадим. – Я последний раз был здесь шесть назад. Да и то не дальше кухни. Чаю с ним выпил и сразу сбежал. Откуда я могу знать, какие у него были вещи?

– Нормальный ход! – возмутился Токарев. – Ты ничего не знаешь, я ничего не знаю. Зачем тогда мы вообще приехали? Лично я с трудом верю, что кому-то могла прийти в голову мысль забраться в эту квартиру с целью чего-нибудь отсюда украсть. Заяц, здесь и брать-то нечего. Полная разруха. Я не знаю, что за кошка между вами пробежала, но пару раз в году ты вполне мог присылать ему по сотне евро из своей Барселоны. Даже такие деньги твоему отцу были бы кстати.

– А ты думаешь, я полная сволочь, да? – Было заметно, что Вадим искренне огорчился. – Он вообще не хотел получать мои переводы. Категорически. Просто игнорировал. А деньги мне каждый раз назад возвращались...

– Ладно, проехали, – заключил Токарев. – Извини. Не будем углубляться в эту болезненную и непростую тему.

Вадим опустил на колени перед кухонным подоконником и приоткрыл дверцы шкафчика.

– Кажется, здесь всегда что-то стояло, – сказал он. – А сейчас пусто. И одна полка на книжном стеллаже, кстати, тоже пустая. Подозрительно...

– Нет, ну что может прятать в своей квартире грузчик из супермаркета? Особо секретную чугунную сковородку?

– Зря ты так. Про грузчика... – Вадим ногой придвинул к себе табурет, уселся на него и угрюмо уставился в черную прореху окна. В узком дворике, зажатом между двумя старыми пятиэтажками, не светился ни один фонарь.

– Нас такси ждет, – напомнил Токарев.

Вадим промолчал.

– Ну ладно, глупость я сказал про грузчика, – неохотно признался Токарев. – Извини. Я сегодня уже пятнадцатый раз извиняюсь. Все нормы перевыполнил. Принимаешь очередное извинение?

Вадим кивнул с печальной задумчивостью. Внимательно оглядел пол, потолок и стены.

– Сань, а как он умер?

– В смысле? – Токарев опустил на второй табурет. – Легко умер, если тебе хотелось услышать именно это. Заснул – и не проснулся. Патологоанатом написал: остановка сердца.

– А почему у него сердце остановилось? Он же не болел почти никогда. На редкость здоровым мужчиной был мой папаня. И далеко не старым. Ему только шестьдесят на днях исполнилось...

– По этому поводу ничего сказать не смогу. Я не врач, Заяц. Знаю, что вскрытие делали тщательно, поскольку некоторые сомнения у милиции имелись. Но ничего не нашли. Так что можешь быть уверен, твой отец умер сам. Отравление или какой-то другой способ насильственной смерти можно исключить. А почему у него сердце остановилось – не ко мне вопрос. Мало ли как в жизни бывает...

– Давай мы хоть чаю выпьем, – предложил Вадим.

Токарев скептически посмотрел на ржавеющий в мойке чайник.

– Может в другой раз?

– Как скажешь, – согласился Вадим. – Между прочим, папаня мой только в последние годы сдал так сильно. Уж ты наверняка должен помнить, каким он был орлом. Мать рассказывала, он в военной авиации служил. В каком-то секретном подразделении ВВС...

– Ясен перец, – кивнул Токарев. – Служил, конечно. Только ты не бери это близко к сердцу. Помнишь Леху Кольцова, которого к нам в пятом классе перевели? Он еще с бабкой жил. И всем рассказывал, что родители у него разведчики. Пали, мол, смертью храбрых, выполняя секретное задание в Экваториальной Африке. А потом выяснилось, что на самом деле никакие они не разведчики, а деревенские алкоголики, лишенные родительских прав. Но Леху я могу понять. Ему было двенадцать лет. А нам с тобой Заяц, сейчас далеко не двенадцать. И какая нам теперь разница, кем наши отцы были на самом деле – летчиками, космонавтами, разведчиками или простыми работягами? Вот мой, например. Он всю жизнь на заводе имени Октябрьской Революции гайку точил. И что мне теперь делать? Обижаться, что он никакой героической профессией не овладел, а прожил всю свою жизнь на городской окраине, выращивал на даче огурцы и капусту, а по вечерам тупо пилился в телевизор, регулярно употребляя водку «Сибирская»?

– Да я не про это говорю, Сань. – Вадим поморщился. – Я своего настоящего отца и не видел никогда. А Григорий Семенович меня с малолетства воспитывал. Что он мне не родной, я и подумать не мог. Вот и хочу правду узнать. Хотя бы теперь. Если он служил в секретном подразделении, так это многое меняет...

– Ничего уже изменишь на самом деле. Но если тебе это так важно, пусть дядя Гриша будет хоть самым секретным космонавтом. Лично мне для него и для тебя ничего не жалко. Только я, пожалуй, домой поеду. Меня жена сегодня точно загрызет. Ушел на полчаса – и пропал.

– В детстве меня мать предупреждала, чтобы я никому про отца не рассказывал. – Вадим покрутил в руках бутылку пива, но открывать не стал. – Говорила, что это, типа, информация не для посторонних... Смешно теперь вспоминать. Даже тебе, Санек, я ничего тогда не рассказал, а ведь ты мой лучший друг был. Помнишь? Хотя иногда меня так и подмывало похвастаться. Это потом, когда я повзрослел, а они развелись, то мать стала говорить, что никаким летчиком мой папаша и не был. Обманывала, говорила, только тебе во благо. Чтобы мог ты гордиться своим отцом. А вообще-то, он даже не твой биологический отец. Прикинь? Меня как поленом по голове стукнули... Я только сейчас, когда он умер, начал сопоставлять и размышлять. И не могу, Саня, прийти к однозначному выводу. Я так и не понимаю, когда она мне правду говорила. А вдруг она после развода мне намеренно соврала, чтобы папаше отомстить?

Вадим медленно разжал кулак и выложил на стол полупрозрачный стеклянный шарик.

– Ты такую штуку видел когда-нибудь?

Токарев приподнял шарик двумя пальцами. Обычное стекло. Только с черными вкраплениями неправильной формы.

– Это что?

– Это панорамная камера. Очень качественная. Одна из последних разработок ведущего мирового производителя – сингапурской компании «Кристалл». С очень высокой чувствительностью и большой разрешающей способностью. Снимает практически в темноте и может передавать видеопоток на частоте в три гигагерца на расстояние до двух километров. Поскольку такой камерой управляют дистанционно, то она часто применяется для систем скрытого наблюдения. Ставишь ее в люстру, например, и вся комната перед тобой как на ладони. Я с такими изделиями сталкивался, когда веб-дизайном на жизнь подрабатывал. А теперь спроси меня: где я ее нашел?

– Где? – послушно отозвался Токарев.

– В этой квартире. Сегодня. Когда осматривал коридор. Она в щель между досками закатилась. Я думаю, что таких камер здесь было несколько. Срезать их успели, а хвосты не все замели. Некачественно работают ребята, если даже я заметил...

– Заяц, у тебя с головой порядок? Есть такая болезнь, не помню, как называется, когда одним пришельцы из космоса спокойно жить не дают, другим – спецслужбы, а третьим – спутники-шпионы и глобализация экономики. Но заканчивают все эти люди одинаково плохо. Их помещают в тихие палаты с войлочными стенами, где за ними действительно ведут круглосуточное наблюдение.

– Да, интересная болезнь, – согласился Вадим. – Я ее знаю. Мне, кстати, на днях один дядька из Штатов звонил. Отцом интересовался. Вопросы разные задавал: как умер и все такое. Сказал, что он психотерапевт, что его зовут Роберт Хольберг и что он, якобы, с моим отцом знаком очень давно. Представляешь, давний знакомый из Штатов? Да за такие дела двадцать лет назад можно было в зону загреметь! Или не двадцать? В общем, не важно. Главное, я не пойму как этот американец номер моей мобилы узнал.

– А-а, теперь я понял, – хмыкнул долго молчавший Токарев. – Как, говоришь, фамилия этой писательницы, которую метрами продают?

– Левандовская, – подсказал Вадим.

– Точно. Только я уже говорил, что не люблю детективов. Ни женских, ни мужских, ни детских, ни иронических, ни шизофренических. Так что без меня, лады?

Токарев сдернул куртку со стены вместе с кособокой вешалкой, чертыхнулся и громко хлопнул за собой дверь. Вадим нагнал его уже возле такси. Всю обратную дорогу они не проронили ни слова. Вадим крутил между пальцами стеклянный шарик. Токарев, прикрыв глаза, слушал музыку. Таксист попался молодой и предпочитал всем станциям TOTAL-FM, где в ротации была лишь клубная музыка. Но в тот момент Токареву было наплевать на стили и направления. Он сильно подозревал, что Вадим просто прихватил с собой стеклянную бусину и зачем-то разыграл перед ним драматическую сцену. Спрашивается – зачем?

Впрочем, скоро и этот вопрос перестал его занимать. В голове осталось только сожаление о напрасно потраченном времени. А мог ведь пораньше лечь спать. Или газеты пролистать. Их целая пачка уже накопилась – непрочитанных. Так нет же, убил вечер совершенно бездарно. Теперь придется еще выслушать длительные нотации от дражайшей супруги. Она успела уже четырежды позвонить, а он регулярно на ее звонки не отвечал. А когда она не отреагировала на писк домофона и даже не вышла из спальни его встретить, что было демонстрацией высшей формы презрения, то настроение у Токарева испортилось окончательно.

– Машенька, у тебя все в порядке? Как на работе? – на всякий случай поинтересовался он через дверь.

Но лучше бы не спрашивал. В ответ услышал лишь ее нелицеприятное мнение о тех мужчинах, настоящих подонках, для которых друзья всегда дороже жен. В пятиминутный регламент она не уложилась, как обычно, так что Токареву пришлось дослушивать пламенную речь супруги уже сидя на кухне. Он жарил себе яичницу с ветчиной, поскольку другой еды не предвиделось, и одним глазом посматривал в сторону телевизора. В вечерних новостях все было как обычно. Поезда сходили с рельс, автобусы взрывались от зарядов мусульманских террористов, ракеты пролетали мимо цели, а беглые солдаты родной армии брали в заложники своих же сограждан...

Одиннадцать лет назад, когда они только поженились, Маша была для него всем. Привлекательная, яркая брюнетка. Мимо такой не пройдешь, как говорится. Не без недостатков, естественно, но у кого их нет. Жаль, что за прошедшие годы взяли верх ее не самые лучшие качества. Нет, бывшая красота не улетучилась. При небольшом усилии она еще могла произвести приятное впечатление на посторонних мужчин. Зато Токареву оставался только негатив. Он терпел, понимая, что на характер жены сильно повлияла невозможность иметь детей после третьего аборта. Однажды он даже предложил ей воспользоваться услугами суррогатной матери. Но в ответ выслушал только очередную порцию обвинений. И все чаще теперь наступали такие моменты, когда семейная жизнь казалась ему совершенно невыносимой.

* * *

– Заяц, ты еще здесь? – искренне удивился Токарев, когда ранним утром, две недели спустя, увидел Вадима на крыльце Судмедэкспертизы.

– Такие дела. – Вадим шмыгнул носом и натянул глубже модную меховую кепку. – Никак не могу расстаться с Родиной. Уже и сам не рад, что приехал. Несколько раз порывался все бросить и улететь. Даже билет дважды покупал. Но не смог, веришь? Как будто держит что-то. Может, сходим вечером куда-нибудь? Посидим, о делах почирикаем, пивка попьем...

– Извини, сегодня никак, – замотал головой Токарев. От былой дружбы, как он уже понял, не осталось и следа, а сегодняшний Вадим вызывал у него одни только приступы раздражительности.

– Сань, да ты не нервничай. Я же все понимаю. Знаю, что надоел тебе по самое это самое. Ты только помоги мне в последний раз. А потом я уеду, честное слово. Обещаю пропасть бесследно. И больше не мозолить тебе глаза по гроб жизни.

Токарев откашлялся, опустил взгляд на носки своих итальянских туфель из бугристой кожи какой-то диковинной рептилии. Чувствовал он себя неловко...

– Заяц, ты только не подумай, что я сволочь. Нет, я – сволочь, отрицать не стану. Но ты говори, что нужно. Я попытаюсь помочь. Но не сегодня вечером. Сегодня у меня действительно нет времени. Супруге давно обещал в театр...

Вадим бросил быстрый взгляд по сторонам, оттащил Токарева к той стене, которая плохо просматривалась камерами видеонаблюдения, и поинтересовался жарким шепотом:

– У тебя в органах концы есть?

– В каких органах? – так же шепотом переспросил Токарев.

– Тех самых.

– А тебе зачем?

– Глупо, конечно, но я бы информацию об отце хотел получить.

Токарев задумался.

– На сто процентов не обещаю. Сам понимаешь...

– Понимаю. Я заплачу по любому прайсу.

– В твоих деньгах я точно не нуждаюсь, – слегка обиделся Токарев.

– Но и расходы лишние тебе ни к чему, – миролюбиво пояснил Вадим. – Информация, Саня, это товар. А за товар я привык платить. В общем, торопить не буду, не беспокойся...

На нужных людей Токарева вывел как всегда Артур, чей клуб знакомств был настолько обширен, что не поддавался ни учету, ни анализу, ни тем более систематизации.

– Артур, это личная просьба, – сразу предупредил его Токарев. – Исключительно добровольное задание...

– Какой разговор, Александр Петрович! Вы говорите, что нужно, а я все делаю в лучшем виде.

– Нужна информация об одном человеке. Информация не простая. Она может быть только в Конторе.

– Это в той, которая всегда начеку?

Токарев кивнул. Артур наморщил лоб, полюбовался мгновение на матовый подвесной потолок и просветлел лицом.

– Да, шанс есть. Правда, я этот канал уже давно не использовал и в его актуальности не уверен. Все будет зависеть от человека, о котором нужна справка. Это Беляков Григорий Семенович?

Токарев расплылся в довольной улыбке. С такой внимательностью к мелочам и цепкой памятью Артур имел все шансы стать незаменимым в качестве помощника.

– Я приложу все усилия, – заверил Артур.

И действительно приложил. Некий человек позвонил Токареву буквально на другой же день. Представился Сергеем Валентиновичем. Сначала, как положено, они обменялись несколькими вежливыми фразами. Потом Сергей Валентинович недвусмысленно намекнул, что всякий труд почетен и достоин вознаграждения. Токарев его заверил, что намек понял правильно и без вознаграждения никто не останется. Но уточнил сроки исполнения заказа. Сергей Валентинович на счет сроков выразился весьма туманно, но оставил номер телефона для связи и попросил перезвонить на него примерно через три дня.

Когда назначенное время подошло, на том конце линии Токарев услышал лишь длинные гудки. Он терзал телефонный аппарат весь вечер и весь следующий день. Но неведомый Сергей Валентинович не отвечал. Пришлось опять подключать Артура. Тот выслушал, что-то

коротко записал, кивнул и исчез на целый день. Вернулся только поздним вечером. С большим недоумением на лице.

– Ничего не понимаю, – развел он руками. – Что за страна? Ни на кого нельзя положиться. Даже на спецслужбы. Везде бардак, короче...

Сергея Валентиновича, как оказалось, не удалось разыскать даже Артуру. Зато Артур нашел его жену. Всю в слезах. Она переживала внезапное расставание с супругом, который отбыл в срочную командировку на Северный Кавказ. Да так быстро отбыл, что даже вещи не успел толком собрать. Причины отбытия она объяснить Артуру не смогла. Сама толком ничего не знала. Получил, мол, приказ. И точка.

– Мог бы и предупредить, подонок! – искренне возмущался Артур. – Мой телефон знал, ваш тоже.

– Видимо, не мог, – задумчиво сказал Токарев.

Сначала эта видеокамера, которую Вадим нашел в бывшей квартире отца, теперь неожиданная командировка Сергея Валентиновича. И как раз в тот момент, когда он начал собирать информацию о Белякове-старшем. Совпадение? Вполне возможно. Северокавказские автономии вспыхивают одна за другой – по цепочке. Уже много лет федералы ловили партизан по всему Дагестану. В прошлом году поднялась на дыбы Осетия, а теперь вот в Кабарде стало опять беспокойно. В Нальчике почти ежедневно случались перестрелки. Контора отправляет туда своих людей регулярно. Токарева смущала только чрезвычайная срочность отъезда неведомого ему Сергея Валентиновича. И чем дольше он размышлял на эту тему, тем меньше верил в простые совпадения...

– Не огорчайтесь, шеф, нового исполнителя найдем.

– Нет, не нужно. Спасибо тебе, Артурчик. Общая картина мне ясна. Как говорится, заказ снимается...

Разыскать Вадима по телефону Токареву не удалось. От матери тот давно съехал и поселился в квартире отца. Но телефон молчал и там. И мобильник Вадима был почему-то вне зоны доступа. Токарев даже забеспокоился слегка. Пришлось тащиться на окраину лично. Ни один фонарь в кварталах по-прежнему не горел, и пока Токарев выискивал по памяти дом, где когда-то проживал Беляков-старший, успел несколько раз влететь в лужи. И даже когда нужный дом был найден, то Вадим отозвался далеко не сразу. Только после третьего нажатия на кнопку домофона.

– Кого еще черт принес, – недружелюбно спросил Вадим.

– Заяц, быстрее открывай. Это я, – прошипел Токарев, склонившись к самому микрофону. – Холодно на улице, между прочим. А я промочил ноги и очень по этому поводу расстроен.

Когда личность Токарева была опознана, впущена в теплый подъезд и встречена на лестничной площадке открытой дверью, он не преминул поинтересоваться:

– Скрываешься от кого-то?

– Участковый не в меру активный попался, – вяло оправдывался Вадим. – Звонит постоянно по телефону, ходит ко мне каждый день как на работу. Уже все проверил неоднократно: визу, регистрацию, паспорт. Даже в унитаз нос сунул. Хотя его, конечно, тоже можно понять. Не в каждой квартире на его участке проживают иностранцы...

– Ты теперь у нас иностранец? – ехидно уточнил Токарев. – Впрочем, можешь не отвечать. Это простое любопытство.

– Я теперь, Саня, чистокровный грек. Чище не придумаешь. Спасибо первой жене. Так что зови меня не Вадимом, а Вадисом Костакисом.

– По первой жене? Славно. – Токарев бросил куртку на крючок вешалки, отметив попутно, что Вадим приколотил ее крепко. И вообще в квартире Белякова-старшего за две недели произошли разительные перемены. Она не то чтобы сияла чистотой, но Вадим как-то

ухитрился большую часть грязи отскоблить. Щелястый пол в комнате был застелен толстым ковровым покрытием, порванные обои на стенах спрятаны под драпировкой. Ткань, конечно, приспособлена на скорую руку, но все равно получилось довольно интересно. Исчезла и вся старая мебель. Вместо нее появился широкий ортопедический матрас, брошенный без лишних комплексов посреди комнаты. Но самое удивительно, что поперек этого матраса растянулась на животе жгучая брюнетка в коротком ультрамариновом топе и рискованном мини.

Брюнетка обернулась, равнодушно скользнула взглядом по Токареву, сказала: o-la-la, и сразу вернулась к просмотру какого-то анимационного сайта на своем изящном ноутбуке.

– Здравс-с-ьте, – удивленно выдавил из себя Токарев и повернулся к Вадиму. – Мог бы и предупредить, юноша, что ты сегодня будешь не один. Я галстук дома оставил. Так неловко получилось!

– Чаю хочешь? – Вадим кивком указал на новенький хромированный электрочайник в углу. – Специально для тебя купил.

– Может, для начала представишь меня своей даме?

– Попробую, – без энтузиазма сказал Вадим и произнес лаконичную фразу по-испански. Женщина ответила ему еще более лаконично. И даже не повернула головы.

– Извини, Санек. Фокус не удался. Вообще-то она гостеприимная, но сегодня не в духе. Она думала, что Сибирь – это как Северная Германия. Вот и примчалась позавчера на крыльях любви. А тут, оказывается, еще снег по колено. И холод собачий. Сунула моя дама нос на улицу и сразу впала в меланхолию...

– Давай тогда на кухню пойдем, – предложил Токарев. – А то неудобно как-то.

– Не беспокойся. Мануэла по-русски ни слова не понимает.

– Она испанка?

– По паспорту – испанка. По национальности – баск. У них, у этих басков, чувство независимости какое-то гипертрофированное. Абсолютно все считают, что живут не в Испании, а в собственной стране. Есть такая территория – Страна Басков. На местном языке – Эускади. Туда входят три испанских провинции – Бискайя, Гипускоа и Алава, а еще небольшой кусочек Франции. Чудесные места, кстати. Север Испании – это тебе не юг Западной Сибири.

– Что-то мне подсказывает, что здесь она долго не протянет. Увозил бы ты свою жену поскорей в более теплые места...

Вадим усмехнулся.

– Ничего. Мануэла Сороа – девушка крепкая, хотя и аристократических кровей. Да и с чего ты решил, что мы женаты? Пока она официально считается моей невестой. Впрочем, наиболее точно суть наших взаимоотношений отражает другое слово – спонсор. В смысле, она меня спонсирует, а не я ее.

– Сегодня у нас вечер удивительных открытий. Так ты еще и альфонс-любитель?

– Почему любитель? Бери выше – профессионал. Альфонс в некоторых странах – это весьма уважаемая и доходная профессия. В Европе просто сумасшедшее количество несчастных женщин, которым и нужно-то совсем чуть. Правда, с Маней у меня вышел прокол. Сначала все было как надо: туда-сюда, сунул-вынул, любовь-морковь. А сейчас, как видишь, уже и сам не рад. Честно тебе скажу: не могу отвязаться. Сама она меня не бросает, а я инициативу проявить боюсь. У нее, понимаешь, есть три веселых братца. Один – старший, и еще два – младшие. И они мне очень недвусмысленно дали понять, что найдут и посадят на кол, если я от их любимой сестрички слиняю...

Чайник забурлил и с громким щелчком отключился. Мануэла обернулась на звук, и Токарев понял, что с возрастом девушки он несколько погорячился. В заблуждение ввела некоторая легкомысленность в ее одежде. На самом деле ей было никак не меньше сорока. Правда, за собой она следила тщательно и выглядела весьма и весьма.

– Как же ты достала меня, цветочек мой аленький! – лучезарно улыбнулся ей Вадим и прибавил длинную фразу по-испански. Мануэла послала ему в ответ воздушный поцелуй и снова уткнулась в экран ноутбука.

– Разболтался я. Это не к добру, – сделал вывод Вадим и расположился на полу, подвинув поближе чайник и кружки. В кружки он кинул по два пакетика и жестом пригласил Токарева присоединяться. – Давай, не томи, рассказывай, что узнал. Органы не раскололись?

Токарев рассказал все, как было, стараясь не драматизировать. Но Вадим воспринял информацию подозрительно спокойно. Словно ожидал, что все получится именно так.

– У меня созрела по этому поводу мысль, – признался Токарев. – Нужно тебе валить из страны пока не поздно. Какая-то явная замуть вокруг дяди Гриши крутилась, это точно. Но он умер. Стоит ли теперь раскапывать эту помойку?

Вадим долго молчал, глядя в одну точку.

– Подозрительно большое количество людей жаждет моего отъезда. Все советуют: уезжай. Как можно быстрее и как можно дальше...

– Меня ты тоже посчитал?

– Не посчитал. Ты искренне советовал. Но вот отчего моя матушка твердит мне каждый день про отъезд – не понимаю. Участковый все время интересуется: когда уезжаю. На этой неделе вызвали в какую-то тупую милицейскую структуру. Не помню, как она называется. Слишком много букв. Что-то там про миграцию или эмиграцию. Короче, пообщались мы душевно с одной тетенькой в погонах капитана. И она мне ласково так говорит: а напоследок мой вам совет: уезжайте. Слишком много намеков, ты не находишь?

– Я нахожу, что такие намеки игнорировать опасно, – заметил Токарев.

– А почему, собственно? – с наивным видом поинтересовался Вадим, отхлебывая чай из пурпурного цвета кружки. – Вот возьму и всем назло останусь в Омске навсегда. А какие проблемы? Визу мне продлевать не нужно. Она у меня особая – пожизненная. Это госпожа Костакис для меня постаралась, дай ей Бог здоровья. Ее первый муж был партнером России по нескольким газовым проектам. Не поверишь, визу мне выдали за неделю. Причем, по личному распоряжению президента. Так что отобрать такой документ будет сложно. Деньги меня тоже не поджимают. У нас с Мануэлой единый счет. А у клана Сороа в банке такая кредитная линия, что ее мне хватит до апокалипсиса. Дедушка Мануэлы оставил наследникам сталеплавильный заводик в Бильбао. Не такой, конечно, как Магнитогорский комбинат, но тоже нормального размера. Они его удачно продали, а вырученные средства разместили в ценных бумагах. Еще у них имеется самая большая туристическая контора в Барселоне. Есть даже судоверфь. Атомный ледокол на таких стапелях не заложишь, но для небольшого сухогруза места вполне достаточно. Я так думаю: если у клана Сороа хватает денежных знаков на многолетнюю поддержку партизан из Национального фронта, которые всю жизнь только и делают, что бегают от полиции по склонам Кантабрийских гор, то для родной дочери их тоже хватит. Так что я могу еще долго в Омске отдыхать, пить, спать, книжки читать. Видел, сколько книжек мне от папани осталось? Большое наследство. Я их только перелистывать два года буду...

Токарев вытянул ноги и скривился. От непривычной позы они слегка онемели. Мануэла оторвалась от компьютера и посмотрела на него с некоторым подозрением. Токарев натянуто улыбнулся в ответ и шепотом поинтересовался у друга:

– Заяц, а твоя боевая подруга не из партизан? Смотрит уж очень профессионально...

– Не, сейчас у нее вполне мирная профессия – психолог. Или психоаналитик. Точно сказать не могу, поскольку сам разницы не вижу. А в студенческие годы она вполне могла и по горам бегать. Что-то я такое слышал от нее про восстание басков в Барселоне. В то время был очередной всплеск их национальной гордости. Так что она даже в студенческом братстве «1936» успела побывать. Но подробностей не знаю. Слушал ее рассказы невнимательно. Знаю только, что братство было названо так в память о времени, когда Страна Басков получила

автономии от Республиканского правительства. А потом пришел к власти генерал Франко и все опошил. В смысле, вернул взад...

Токарев поднялся, подошел к книжным стеллажам, которые Вадим перетащил из узкого коридора в комнату, провел пальцем по пыльным переплетам. Библиотека Белякова-старшего не могла не удивить. Никаких детективов, триллеров, фантастики и прочей беллетристики. Одной только практической магией занято несколько полок. Да и на остальных стояли исключительно тома эзотерического и теософского содержания. Токарев не считал себя большим знатоком в этой области, но некоторые звучные фамилии знал. С целью блеснуть эрудицией при надобности.

– Да, любопытная библиотека, – согласился он, когда наткнулся взглядом на пухлые репринты начала прошлого века.

Вадим как-то механически кивнул.

– Он их не только хранил, но и читал. Я проверил. Во всех книгах закладки. У многих даже переплеты слегка надорваны от частого использования... Похоже, знал он намного больше, чем я думаю. Знал даже то, чего и они, судя по всему, не знают. А теперь и не узнают никогда. Да?

– Ты о чем? – не понял Токарев.

– Да черт его знает о чем. Но одно могу сказать точно: кто-то сейчас сидит в своем кабинете и гадает на кофейной гуще: успел ли папая перед смертью рассказать кому-нибудь о Главной Военной Тайне или не успел? А вдруг это он мне пытался намек какой-то оставить в своей квартире? На этих полках, например. И мне теперь нужно правильно растолковать его послание...

Свет несколько раз мигнул и погас. В полной тишине Мануэла произнесла что-то по-испански. Даже не зная языка, Токарев легко уловил ее недовольство. Оно легко читалось и на ее скуластом лице, подсвеченном ярким экраном ноутбука.

– Без паники, – скомандовал Вадим громким шепотом. – Ничего особенного не случилось. Просто выбило пробки. Дом-то старый. Проводка здесь ни к черту...

– А кто сказал, что мы паникуем? – так же шепотом поинтересовался Токарев. – Нам-то чего паниковать. Мы-то понимаем, что все это простое совпадение. Жизнь вообще наполнена большим количеством случайностей.

– Именно случайностей, – согласился Вадим. – Помнится, в прошлом году, когда застрял на пересадке в Ганновере, я приобрел в лавке книжку, чтобы время как-то убить. Романчик оказался полной фиговиной. Ни автора уже не помню, ни названия. Типичная макулатура. Но мысль, которую высказал один из персонажей, почему-то задержалась. Она как раз о совпадениях. Мол, у вице-президентов Авраама Линкольна и Джона Кеннеди была, как ни странно, одна фамилия – Джонсон. Обоих президентов – Линкольна и Кеннеди – избрали в год, заканчивающийся на число 60. При этом Линкольна убили в театре Кеннеди, а Кеннеди – в автомобиле «Линкольн». И что, мол, доказывают эти совпадения? Да ровным счетом ничего!

– Впечатляет, – хмыкнул Токарев. – Так кто пойдет смотреть пробки?

– А угадай с трех раз. Или у тебя есть другие кандидатуры?

– Других нет, – с готовностью согласился Токарев. – Лично я рисковать собой не намерен. Я обещал супруге вернуться домой к ужину живым и невредимым. В противном случае тебе придется объясняться лично с ней, чего я тебе искренне не желаю.

Вадим с кряхтением приподнялся.

– Стой, – встрепенулся Токарев. – Ты ничего не слышал? Какие-то странные звуки из коридора.

Вадим прислушался.

– Не, это не из коридора. Из-за стены. У меня соседка нервная. Чуть что, сразу начинает в стенку долбить тяжелым тупым предметом.

– Надеюсь, головой?

– Не похоже. Голову она бережет для потомков. Или инопланетян. Я еще не понял, с кем она на связь выходит периодически. А в стенку кидает, думаю, шар для боулинга...

– Может, позвоним диспетчеру, чтобы дежурного электрика прислал? – предложил Токарев.

– Издеваешься? Считай до ста. Если я за это время не вернусь, то хватай Мануэлу и прячьтесь под кроватью.

– У тебя кровати нет.

– Действительно. – Вадим вздохнул. – Это реальная проблема. Как же я забыл, что у меня в наличии только матрац. Значит, в случае опасности вам остается только одно – накрываться с головой одеялом. Но только смотри мне – без вольностей. Руки не распускай. Помни, что у Мани три очень нервных брата...

Условный горизонт. Лето. 1982

– Даже и не знаю, что с тобой делать, лейтенант...

Комполка хмурился. Гриша стоял, опустил взгляд в пол. В кабинете Железного Феликса он оказался уже второй раз за неделю. И оба раза по неприятным поводам.

– Товарищ полковник, не избивал я Куклю, – упрямо повторил Беляков.

Комполка привычным движением поправил галстук.

– Вот его рапорт, лейтенант, у меня на столе. Хочешь сказать, что это не ты был вчера вечером в ресторане «Север»?

– Я, – уныло подтвердил Гриша. – В ресторане «Север» был я. Но старшего прапорщика не избивал...

– Уже понятнее. – Комполка усмехнулся. – А драку кто затеял?

– Это была не драка...

– А что это было, черт подери, лейтенант?! Танец маленьких лебедей из балета «Лебединое озеро»? – Кулак Железного Феликса опустил на стол, и тяжелое пресс-папье подлетело в воздух сантиметров на пять.

– Я только ударил его по щеке, – еле слышно произнес Гриша. – Не удержался, простите...

– Что значит: «простите», лейтенант Беляков? Ты кто – боевой пилот советских военно-воздушных сил или институтка какая-нибудь, дочь купца третьей гильдии Калашникова? Отвечать по уставу!

Гриша поднял взгляд. По круглому лицу комполка уже строем шли красные пятна. Верный признак, что Железный Феликс рассержен не на шутку. Но Грише нечего было сказать. Он действительно не знал, какая сила толкнула его вчера под руку. В «Севере» они сидели с Путинцевым. Хорошо сидели, никого не трогали. У обоих был законный выходной, да и остатки денежного довольствия в карманах завалились, вот и решили два лейтенанта посидеть в культурном месте. И только присели за столик, заказали по шашлыку, приняли на грудь по пятьдесят граммов водки, как занесла нелегкая в «Север» старшего прапорщика Куклю.

– Виноват, товарищ полковник! – Беляков опять вытянулся по стойке смирно. – Готов понести заслуженное наказание!

– Понесешь, не волнуйся, – кивнул тяжелой головой Железный Феликс. – Но я все равно не понимаю. Ты же, вроде, интеллигентный человек, лейтенант. В аспирантуре, говорят, учился. В Ленинграде...

– Так точно, товарищ полковник, учился!

– И драки в ресторанах затеваешь...

– Причина была веская, товарищ полковник.

– И какая причина? – живо заинтересовался комполка. – Женщина?

– Никак нет, товарищ полковник. Женщин там не было. Товарищ старший прапорщик рассказывал нам анекдоты о Генеральном секретаре ЦК КПСС, товарище Леониде Ильиче Брежневе. За это он и получил от меня... пощечину...

Рассказывать анекдоты Кукля любил. Но не умел совершенно. Причем, как назло, вспоминал только самые глупые. Вот Беляков и не удержался. О чем, в принципе, успел уже неоднократно пожалеть. Ведь понимал же, что Кукля – человек на редкость подлый и пакостный. И догадывался, что утром тот первым делом побежит с рапортом...

– Не понял. Какие еще анекдоты? – Комполка слегка растерялся.

– Разрешите не повторять их вслух, товарищ полковник?

В кабинете повисла предгрозовая тишина. Впервые в жизни Железный Феликс не знал, что ответить своему подчиненному...

– Рапорт! – хрипло выдавил он из себя. – Хотя, нет. Отставить, рапорт. Сам разберусь, без рапорта...

Через секунду на пороге кабинета вырос помощник комполка – капитан Любимов.

– Старшего прапорщика Куклю! Ко мне! Срочно!

– Разрешите идти? – Гриша подскочил как на пружине.

– Да иди уже, лейтенант. Глаза бы мои вас не видели, защитничков Отечества, – проворчал на прощание Железный Феликс.

Гриша обогнул плац, на котором комендантская рота оттачивала подходы к командиру и отдавание чести, огляделся по сторонам, убедился, что никто его не видит, и только после этого просочился в узкую щель между баней и столовой. Здесь дорога в гарнизонный поселок была намного короче. Если идти по ней все время прямо, а потом у трех березок взять левее, то через некоторое время упрушься в Объект. Отсюда его не видно, естественно. Он весь под землей. Сверху только невысокое бетонное строение, в котором за десятимиллиметровой броневой сталью затаился пост охраны.

Если Объект обогнуть и пойти еще дальше, то через пару километров будут два ряда колючки. Еще дальше – двухметровый бетонный забор Периметра, вдоль которого равномерно расставлены вышки. Ну а если все эти непреодолимые препятствия мысленно преодолеть и пойти еще дальше – уже за территорию части, – то обязательно выйдешь к Реке. Она приблизительно в двадцати километрах. В другую сторону от части – Город, куда ведет единственная дорога с твердым покрытием. И хотя городом поселок при Комбинате стал совсем недавно, да и состоял он, преимущественно, из щитовых бараков, но все же там была цивилизация, что ни говори...

Беляков ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Ему не нужно было ни к Реке, ни в Город. Его цель – квартира Кашина – располагалась намного ближе, хотя по непривычной для этих мест жаре и такое расстояние преодолеть оказалось совсем не просто. На его счастье, Кашин оказался дома.

– Где супруга? – осторожно поинтересовался Гриша.

– С утра в Город умчалась. – Кашин подмигнул. – Заходи не бойся, уходя – не плачь! Извини, что я в таком затрапезе...

Старлей показал на растянутые на коленях спортивные штаны. Голый волосатый живот он прикрывал фартуком, испачканным в муке.

– Здравсьте, дядя Гриша!

Из-под руки Кашина выпорхнула его шестилетняя дочь Дашка.

– Привет, привет, стрекоза-дереза. – Беляков вынул из кармана заранее припасенную шоколадную конфету. – Вот тебе «Белочка» от Деда Мороза.

Дашка прыснула в кулачок.

– Дедов Морозов летом не бывает! Я уже не маленькая, дядя Гриша, и ты меня теперь так легко не обманешь, – гордо сообщила она.

Но конфету, подтаявшую от жары, цепко сжала в кулачке. И сразу скрылась в дальней комнате. Гриша стянул ботинки и протиснулся в кухню, где на узком столе Кашин пытался раскатывать тесто.

– Вот, пирог решил испечь, – смущенно пояснил Кашин. – С рыбой...

Гриша присел на табурет и тут же вымазал локоть в муке.

– Слушай, у тебя выпить есть?

– Вообще-то есть. А с чего вдруг? – удивился Кашин.

– Тоска-кручина, понимаешь, охватила. Обещала насмерть придушить.

– Завтра вылет, – напомнил Кашин. – Комполка на тебя и так волком смотрит. Малейший прокол – и не видать тебе, Гриня, третьей звезды...

– Наплевать. Пусть хоть вообще спишут! – Беляков помрачнел. – Все надоело. Не могу больше...

Кашин покопался в маленьком шкафчике, нашел между банок с вареньем бутылку без этикетки, взболтнул прозрачную жидкость и наполнил два шкалика.

– Если по чуть-чуть, то не считается, – напомнил Беляков.

Рюмки они опрокинули одновременно. Гриша занюхал серой корочкой, обнаруженной в хлебнице. Кашин крикнул, но закусывать не стал.

– Никакой сивухи. Двойная очистка. И горит, я проверял...

– Еще по одной? – оживился Гриша. – За автора этого изумительного продукта.

– За автора можно, – согласился Кашин. – Только это не я, а супруга. И научилась же! Специально рецепт какой-то мудреный с родины привезла. Только ты это... смотри, чтобы никому...

– Да как ты мог такое подумать?! – возмутился Гриша. – Да что бы я хоть слово!

Со спиртным в части было не то, что плохо, а совсем плохо. Водку в гарнизонный магазин завозили исключительно по личному разрешению комполка, и то по самым большим государственным праздникам. В остальные дни приходилось либо мотаться за ней в Город, либо как-то выкручиваться. Вот и выкручивались. Потому-то самым покупаемым продуктом в гарнизонном магазине круглогодично оставался дешевый сахар, произведенный союзниками с жаркого Острова Свободы...

– На пирог-то останешься? – Кашин кивком показал на раскатанное тесто и разлил по третьей. – Не бойся, жена только к вечеру вернется. Не раньше восемнадцати ноль-ноль.

– А с чего ты взял, что я боюсь. Я не боюсь. Просто опасаюсь немного...

Кашин рассмеялся.

– Хороший ты парень, Гриня, честное слово. Только попал, как говорится, не по адресу. Защитил бы свою диссертацию, преподавал бы сейчас сопромат... Эх, жизнь-жестянка... А ты в Ленинграде, кстати, давно был?

– Давно... – Гриша шмыгнул носом и улыбнулся уголками рта.

Они выпили по четвертой. Потом по пятой. Поговорили о жизни. Без соплей поговорили – по-мужски. А тут и пирог подоспел...

Со своими вечными вопросами на кухню периодически забегала веселая и довольная Дашка. Она любила, когда к ним в гости кто-то приходил. И Гриша постепенно расслабился. После седьмой рюмки все его проблемы показались ему мелкими и не заслуживающими внимания.

– А спой нашу, любимую, – попросил вдруг Гриша.

Кашин отнекиваться не стал. Приволок из комнаты гитару, откашлялся, тихо перебрал пальцами струны и затянул приятным баритоном:

Кожаные куртки, брошенные в угол,
тряпкой занавешенное низкое окно.
Бродит за ангарами северная вьюга,
в маленькой гостинице пусто и темно.
Командир со штурманом мотив припомнят старый,
голову рукою подопрёт второй пилот,
Подтянувши струны старенькой гитары,
следом бортмеханик им тихо подпоет...¹

¹ Александр Городницкий, «Песня полярных летчиков»

На последнем аккорде Гриша всхлипнул и уронил внезапно потяжелевшую голову на стол. Почему-то она категорически не хотела держаться вертикально...

* * *

Фельдшер на Стартовом уровне осматривал Беякова долго и задумчиво. Кашин тоже покачал головой с явным осуждением. В отличие от Гриши, Кашин был свеж и бодр. И пахло от него французским одеколоном «Тет-а-тет». Беяков же отошел от вчерашнего веселья только на Высоте, когда под куцее ватное пальтецо стал забираться легкий морозец...

На вахте в этот раз дежурила симпатичная второкурсница, и Гриша с удовольствием притормозил.

– Привет, красавица. А для Беякова есть что-нибудь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.